

СБОРНИКЪ „НИВЫ“

на 1893 годъ.

Niva. ^{—**—}Literaturnyĭ prilozheniĭ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА“.

МАЙ.

Изданіе журнала „НИВА“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Ф. МАРНОА. Средняя Подъячская, д. № 1.

1893.

Путешествіе по Сибири.

Очеркъ А. Брема. (Переводъ съ нѣмецкаго).

Съ благодарностью простились мы съ обѣими столицами русскаго государства. Радужный пріемъ, оказанный намъ, превзошелъ самыя смѣлыя наши ожиданія, и мы двинулись дальше, снабженные рекомендательными письмами, всю важность которыхъ мы узнали только впоследствии.

До Нижняго-Новгорода мы пользовались современными путями передвиженія, но за нимъ узнали по опыту, что значить сдѣлать по Россіи нѣсколько тысячъ верстъ зимою и лѣтомъ, въ дождь и вьюгу, въ саняхъ и на колесахъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ насъ ожидала огромная, крѣпкая дорожная кибитка, обтянутая по всѣмъ швамъ скобами, запряженная тройкою, съ весело позванивающимъ подъ дугою колокольчикомъ.

19-го марта мы тронулись въ путь по гладкой, ледяной поверхности Волги. Но оттепель, сопровождавшая насъ изъ Германіи въ Россію, изъ Петербурга въ Москву, стала нашимъ постояннымъ спутникомъ, точно сами мы были вѣстниками весны. Зіяющія щели во льду, наполненные водою, обдававшей брызгами лошадей, сани и насъ самихъ, или заставлявшія дѣлать совершенно непроизводительные объѣзды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подозрительныя потрескиванія льда побудили насъ оставить гладкую поверхность рѣки и перемѣнить ее на проѣзжую лѣтную дорогу. Дорога эта, по которой тянутся безчисленные обозы, сдѣлалась для насъ истинною стезею мученій. Мокрый, рыхлый снѣгъ покрывалъ ее еще болѣе, чѣмъ на аршинъ; по сторонамъ дороги уже бѣжали ручьи. Несчастныя, запряженные гуськомъ лошади съ трудомъ нащупывали подъ ногами твердую землю; онѣ дѣлали отчаянные прыжки, стараясь по-

пасть въ слѣдъ проѣхавшихъ раньше лошадей, но безпрестанно проваливались по брюхо въ мокрый снѣгъ или обледѣлую воду. А за ними, побрякивая во всѣхъ швахъ на ухабахъ, подпрыгивала наша кибитка, иногда проваливаясь въ яму, изъ которой по цѣлымъ часамъ не могли ее вытащить выбивающіеся изъ силъ лошади. Жалобно позвякиваетъ колокольчикъ, тщетно кричитъ, по-нукаетъ, ругается и стегаетъ лошадей ямщикъ; только съ посторонней помощью мы выбираемся изъ ямы и продолжаемъ путь.

Мучительно тянутся часы; дорога кажется вчетверо или впятеро длиннѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Смотрѣть по сторонамъ изъ кибитки почти не стоитъ труда, потому что кругомъ разстилается пустынная, некрасивая равнина. Только въ деревняхъ можно найти что-нибудь интересное, но и то лишь тому, кто любитъ и привыкъ наблюдать. Зима еще удерживаетъ весь деревенскій людъ по избамъ, красиво построеннымъ, но плохо содержимымъ; только маленькіе мальчуганы, одѣтые въ тулупы, шлепаютъ босикомъ по мокрому снѣгу и лужамъ, черезъ которыя болѣе взрослые мальчики и дѣвочки перебираются на ходуляхъ, да вокругъ почтовыхъ станцій и постоянныхъ дворовъ праздно шатаются нищіе, но какіе нищіе! Такіе, отъ которыхъ любой художникъ пришелъ бы въ такой же неистовый восторгъ, какъ и я самъ. Когда, прося милостыню, они снимали шапку, то ихъ почтенная лысина, ихъ длинная бѣлая борода, грязь и отрѣпья, покрывавшія ихъ тѣло, дѣлали ихъ такимъ живымъ олицетвореніемъ отрекшихся отъ міра подвижниковъ, что я нарочно подавалъ имъ милостыню, чтобы только увидѣть это широкое троекратное, а иногда и девятикратное крестное знаменіе, которымъ они осѣняли себя — такое выразительное, такое проникновенное, какимъ могли осѣнить себя только истинные христіане.

Въ поляхъ и лѣсахъ, гдѣ зима еще слишкомъ даетъ себя знать, кромѣ сѣрой вороны да овсянки, мы не встрѣчали почти ни одной птицы; въ деревняхъ же насъ привѣтствовали, по крайней мѣрѣ, очаровательныя галки, лучшее украшеніе деревенскихъ крышъ, черныя вороны, сороки и другія птицы, не говоря уже о домашнихъ животныхъ, изъ которыхъ больше всего бросались въ глаза бродящіе на свободѣ свиньи.

Послѣ четырехъ сутокъ непрерывнаго пути, безъ сна, безъ отдыха, безъ достаточной пищи, разломанные и разбитые, мы достигли, наконецъ,—перейдя пѣшкомъ черезъ ненадежный ледъ Волги, — Казани, башни которой уже наканунѣ привѣтливо глядѣли на насъ. Мнѣ казалось, что я опять на Востокѣ. Съ минаретовъ и остроконечныхъ деревянныхъ башенъ раздавался голосъ муэдзина, призывавшаго правоверныхъ къ молитвѣ. Среди прохожихъ въ чалмахъ сновали черноокія женщины, боязливо закрываясь чадрами передъ своими единовѣрцами и съ любопытствомъ открывавшія передъ нами лицо; онѣ осторожно пробирались возлѣ домовъ, чтобы не промочить свои мягкія, красивыя желтыя чупаки; на базарѣ, пестрой толпой, тѣснился старъ и младъ; все совершенно такъ, какъ на Востокѣ. Только пышныя церкви, среди которыхъ особенно замѣчательны, по расположенію и архитектурѣ, монастырь во имя „Нерукотворной Казанской Божіей Матери“, мало вязались съ этой картиной, доказывая, однако, въ какомъ мирѣ и согласіи живутъ здѣсь между собою христіане и магометане.

Смѣнивъ свою тяжелую повозку на болѣе легкія сани, мы двинулись дальше, по направленію къ Перми и Уралу. Дорога пролегаетъ по русскимъ и татарскимъ деревнямъ и по окружающимъ ихъ полямъ и лѣсамъ. Татарскія деревни выгодно отличаются отъ русскихъ отсутствіемъ свиней, считающихся у нихъ нечистымъ животнымъ, и хорошенькими, обсаженными деревьями, кладбищами; татаринъ привыкъ чтить память своихъ усопшихъ, русскій же чтить только память святыхъ. Лѣса, хотя и раздѣленные правильно на участки, могутъ быть названы вполне дѣйственными лѣсами: они растутъ, старѣютъ и гибнутъ безъ всякаго участія человѣка. Черезчуръ большія разстоянія отъ сплавныхъ рѣкъ не позволяютъ правильно эксплуатировать ихъ.

Двѣ большія рѣки, Вятка и Кама, пересѣкаютъ нашъ путь. Онѣ еще скованы льдомъ, но весна начинается уже кое-гдѣ разрушать ихъ ледяные покровы. По берегамъ выступаетъ вода, и обозы, избѣгающіе устроенныхъ въ такихъ мѣстахъ настиловъ, переходятъ прямо вплавь, при чемъ сани, какъ лодка, плывутъ позади лошади.

Еще не доѣзжая Перми, намъ пришлось замѣнить сани дорожной каретой и въ ней пересѣчь Уральскій хребетъ,

отдѣляющій Европу отъ Азіи. Путь пролегаетъ черезъ отлогія, невысокія, но постепенно идущія вверхъ, гряды холмовъ. Характеръ мѣстности измѣняется; глазъ встрѣчаетъ если и не грандіозныя, то, во всякомъ случаѣ, хорошенькія горныя картинки. Небольшія рощицы, поля и луга напоминаютъ предгорья Штейермаркскихъ Альпъ. Рощи состоятъ то изъ низкорослыхъ сосенъ, то изъ березъ, то изъ березъ и сосенъ вперемежку съ липами, осинами, черными и серебристыми тополями, надъ круглыми маковками которыхъ возвышаются несравненная, кипарисообразныя вершины пихты или сибирской ели. Деревни становятся больше, избы лучше всѣхъ видѣнныхъ нами раньше, но дороги скверны, невообразимо скверны. Послѣ трехдневнаго тяжелаго пути, мы достигаемъ, наконецъ, водораздѣла двухъ большихъ рѣкъ, Волги и Оби, и по пограничному каменному столбу, на одной сторонѣ котораго стоитъ „Европа“, на другой— „Азія“, мы узнаемъ, что переступили черту нашей родной страны Свѣта! Подъ звонъ стакановъ мы вспоминаемъ объ отсутствующихъ близкихъ...

Мы не можемъ остановиться надолго въ привѣтливомъ, гостепріимномъ Екатеринбургѣ, съ его золотоплавильными заводами и гранильными фабриками; ибо весна все могучѣе и громче заявляетъ о своемъ приближеніи, все рыхлѣе и мягче становится ледъ на рѣкахъ, который долженъ служить намъ мостами до самаго далекаго Омска. Не останавливаясь, спѣшимъ мы дальше, по равнинамъ азіатской части Пермской губерніи, пока не достигаемъ ея границы, а съ нею вмѣстѣ и границы Западной Сибири.

Здѣсь, на первой же почтовой станціи, насъ привѣтствуетъ отъ имени губернатора тюменскій уѣздный начальникъ, готовый сопровождать насъ по своему уѣзду. Въ Тюмени мы нашли приготовленный къ нашему пріѣзду домъ одного изъ богатыхъ обывателей города и тутъ узнали еще ближе, что значитъ настоящее русское гостепріимство. И до сихъ поръ насъ вездѣ принимали съ величайшимъ радушіемъ; но, начиная отъ Тюмени, всѣ высшіе сановники округа или губерніи заботятся о насъ, знатнѣйшіе дома гостепріимно открываютъ передъ нами свои двери. Насъ встрѣчаютъ, какъ принцевъ крови, единственно благодаря тому, что мы преслѣдуемъ научныя

цѣли. Выразить съ достаточной горячностью нашу благодарность нѣтъ средствъ, не хватаетъ словъ.

За Тюменью, на осмотръ которой, какъ перваго сибирскаго города, мы употребили три дня, крестьяне показали намъ, какъ они умѣютъ справляться даже съ рѣками. Приближающаяся весна тронула уже ледъ на Пышмѣ, и льдины начинали приходить въ движеніе, а между тѣмъ мы намѣревались еще переѣхать рѣку на колесахъ. Въ ожиданіи нашего прибытія, населеніе села Романовскаго стояло съ непокрытыми головами на берегу Пышмы, которая тоже, какъ будто, только и ждала насъ, чтобы сбросить свои ледяныя оковы. Съ большимъ искусствомъ и смѣлостью былъ устроенъ временной мостъ черезъ свободную ото льда часть рѣки, при чемъ главною его опорою служила большая лодка, а льдины, грозившія двинуться съ мѣста, были *привязаны* крѣпкими бечевами и веревками. Привычныя руки распрягли наши, заложенные пятернею, экипажи, взяли за оси и спицы колесъ и перевезли всѣ повозки, одну за другою, черезъ колеблющійся, гнущійся и скрипящій мостъ, который, такимъ образомъ, вполне выполнилъ свое назначеніе, и мы снова весело помчались дальше, по снѣгу и грязи, по водѣ, по льду и по бревенчатымъ плотинамъ.

Менѣ податливъ оказался Тоболь, который мы намѣревались переѣхать 14 апрѣля, въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, въ первый, дѣйствительно, весенній день. И здѣсь ужъ сдѣланы были всѣ приготовленія для нашей переправы, одинъ изъ экипажей былъ уже распряженъ и вкаченъ на ледъ, какъ вдругъ одна льдина съ трескомъ отдѣлилась, уничтожила переправу и заставила насъ вернуться. Бубенчики, весело позванивавшіе при нашемъ выѣздѣ изъ Ялуторовска, теперь грустно побрякивали при нашемъ возвращеніи въ этотъ городъ, и только въ первый день Пасхи намъ удалось переправиться черезъ рѣку на паромѣ.

Такимъ образомъ подвигались мы дальше. Рѣки одна за другой вскрывались или до нашего прибытія, или тотчасъ вслѣдъ за нами. Только ледъ на Иртышѣ стоялъ еще надежно и крѣпко, и, переѣхавъ черезъ него, мы достигли, наконецъ, послѣ мѣсяца слишкомъ пути, Омска, новаго города Западной Сибири.

Осмотрѣвъ городъ, мы двинулись по правому бере-

гу Иртыша, по направленію къ Семипалатинску. Еще ранѣе, между Ялуторовскомъ и Омскомъ, намъ пришлось пересѣчь степь—Ишимскую; теперь же степь охватывала насъ со всѣхъ сторонъ, и каждую ночь поднималось къ небу красное зарево пожара отъ опаливаемыхъ прошлогоднихъ травъ. Вдоль по Иртышу летѣли уже къ сѣверу перелетныя птицы, вслѣдъ за идущимъ по рѣкѣ льдомъ; водяныя птицы массами покрывали степныя озера; различныя породы жаворонковъ большими стаями вились близъ дороги; красивые степные соколы уже успѣли возвратиться на свое лѣтнее мѣстопробываніе—словомъ, весна стала совершившимся фактомъ.

Въ Семипалатинскѣ мы имѣли счастье найти, въ лицѣ просвѣщеннаго начальника области, горячаго ревнителя нашихъ научныхъ цѣлей, а въ лицѣ его супруги—радушную, любезную хозяйку. Не довольствуясь гостепріимствомъ, оказаннымъ намъ въ Семипалатинскѣ, генералъ пожелалъ познакомить насъ съ главною составною частью населенія своей области—киргизами, и устроилъ съ этою цѣлью грандіозную охоту на архаровъ или дикихъ барановъ, вдвое превосходящихъ величиною нашихъ домашнихъ овецъ.

Мы отправились на охоту 3 мая; переѣхали черезъ Иртышъ и по Ташкентской почтовой дорогѣ направились въ киргизскую степь. Послѣ шестнадцати часовъ ѣзды, мы достигли гористой мѣстности, въ которой предполагалась охота, и гдѣ, въ честь насъ, былъ разбитъ цѣлый киргизскій аулъ. Здѣсь насъ любезно встрѣтила выѣхавшая уже наканунѣ супруга генерала, и радушно привѣтствовали десятка два киргизскихъ хановъ и старшинъ, со своею многочисленною свитой.

Величайшее оживленіе царило въ Аркатскихъ горахъ въ три послѣдующіе дня. Для киргизовъ, какъ и для насъ, наступилъ праздникъ. Горы и равнина звенѣли подъ копытами лошадей принимавшихъ участіе въ охотѣ восьмидесяти всадниковъ; солнце весело лило свой свѣтъ на пеструю одежду киргизовъ, шумная жизнь кипѣла въ горахъ и ущельяхъ. Когда-то грозные хищники, а теперь самые мирные, вѣрные и довольные своею судьбою подданные Россійскаго государства, киргизы явились со своими лучшими скакунами, цѣнными иноходцами, борзыми собаками, верблюдами, импровизаторами-музыкантами, кулач-

ными бойцами и проч. Они сидѣли живописными группами и отдѣльными кучками, лихо скакали и джигитовали на своихъ лошадяхъ; съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за единоборствомъ своихъ бойцовъ, съ восхищеніемъ любовались скакунами, на которыхъ скакали мальчики; искусно и умѣло руководили охотой и съ восторгомъ слушали слова импровизатора-пѣвца, воспѣвавшего охоту. Импровизація его была не особенно богата содержаніемъ, но, во всякомъ случаѣ, настолько своеобразна, что я записалъ его слова, какъ образчикъ киргизскаго стихотворнаго искусства. Пока пѣвецъ пѣлъ подѣ аккомпаниментъ цитры, и переводчикъ повторялъ его слова по-русски, а генераль переводилъ ихъ мнѣ по-нѣмецки, я успѣвалъ заносить ихъ въ свою записную книжку:

„Говори, красный языкъ, говори, пока ты живъ—послѣ смерти ты будешь нѣмъ.

„Говори, красный языкъ, данный мнѣ Богомъ—послѣ смерти ты будешь безмолвствовать.

„Слова, которые ты произнесешь теперь, будутъ принадлежать тебѣ и послѣ смерти.

„Людей, высокихъ, какъ горы, я вижу передъ собой, и я хочу сказать имъ правду.

„Я вижу передъ собой словно горы и скалы; съ благородными скакунами я могу сравнить этихъ людей.

„Они больше лодки; они—словно пароходы на волнахъ Иртыша.

„Въ тебѣ, о господинъ, я вижу перваго послѣ царя; ты высокъ, какъ гора, цѣненъ—какъ конь-иноходецъ.

„Меня родила мать, но языкъ мой данъ мнѣ Богомъ.

„Если я не скажу всего этого тебѣ, кому же мнѣ сказать все это?

„Я говорю съ полной свободой, какъ будто обращаюсь къ своимъ единоплеменникамъ.

„Привѣтъ тебѣ, о господинъ, и счастье и благословеніе твоимъ гостямъ, между которыми есть высокопоставленные люди, хотя теперь и лежать на боку.

„Каждый гость генерала—и нашъ гость, можетъ быть увѣренъ въ нашей преданности.

„Богъ далъ мнѣ языкъ; пусть же онъ говоритъ.

„Въ горахъ было много охотниковъ, стрѣлковъ, загонщиковъ, но только одному была удача.

„Какъ вершина высочайшей горы возвышается надъ

всѣми остальными, такъ счастье возвысило его надъ другими; ибо онъ, вѣрно прицѣлившись, попалъ въ архара двумя пулями и привезъ его въ юрту.

„Всѣмъ охотникамъ хотѣлось имѣть удачу, но только одного желаніе исполнилось, на радость намъ, на радость и тебѣ, о высокая госпожа, къ которой я теперь поведу рѣчь.

„Всѣ мы въ великой радости, что можемъ привѣтствовать среди насъ не только мужчинъ, но и тебя; всѣ мы желаемъ тебѣ счастья, благополучія и тысячу лѣтъ здравствовать.

„Соблаговоли принять нашъ привѣтъ! Хотя ты, можетъ-быть, видѣла много людей лучше насъ, но никто искреннѣе насъ не привѣтствовалъ тебя.

„Да благословитъ тебя Богъ, домъ твой и дѣтей твоихъ. Я не нахожу достаточныхъ словъ, чтобъ восхвалить тебя; но мой языкъ данъ мнѣ Богомъ, и онъ говорилъ, мой красивый языкъ, то, что лежало у меня на сердцѣ“.

Мы покинули Аркатскія горы, и тутъ же на мѣстѣ охоты простились съ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ. Въ Сергіополѣ, первомъ городѣ Туркестанскаго края, мы снова были привѣтствуемы уже отъ имени генералъ-губернатора этой области, и продолжали путь, въ сопровожденіи даннаго намъ отряда казаковъ. Киргизскіе начальники выставляли намъ по пути почетные конвои и лошадей, которыя, вѣроятно, никогда еще не бывали въ упряжи, и потому, вначалѣ, какъ бѣшенныя, мчали наши тяжелые экипажи. Киргизскіе ханы оказывали намъ гостепріимство, заботились о нашемъ ночлегѣ и продовольствіи, и выставляли юрты на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы желали остановиться на отдыхъ; киргизы ловили намъ для коллекціи змѣй и другихъ пресмыкающихся, закидывали для тѣхъ же коллекцій сѣти въ степныя озера и сопровождали насъ въ нашихъ охотничьихъ экскурсіяхъ, точно вѣрные псы. Такимъ образомъ, миновали мы сіяющую полнымъ весеннимъ нарядомъ степь, останавливались для охоты и сбора коллекцій на Алакулѣ или „пестромъ озерѣ“, проѣзжали черезъ цвѣтуція долины и улыбающіяся и величественныя горы Алатау—райскія мѣстности, текуція млекою и медомъ,—взлѣзали на высокія горы, любовались гремящими горными ручьями, зелеными альпійскими озерами, чудными далями и, наконецъ, по-

вернули на сѣверо-востокъ, къ Китайской границѣ, чтобъ, пройдя часть Небесной имперіи, достигнуть Алтая кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ.

Въ Бахтахъ, послѣднемъ русскомъ пограничномъ посту, мы узнали, что его „неизъяснимость“ Джандзунъ-Джунъ, главный намѣстникъ провинціи Тарабагатай, желаетъ привѣтствовать насъ отъ имени Китая. Во исполненіе желанія высокаго мандарина, мы отправились 21-го мая верхами въ главный городъ названной провинціи Чугучакъ или Чаучакъ.

Нашъ конный отрядъ, двигавшійся по степи подъ яркими лучами лѣтняго солнца, былъ многочисленнѣе и блестящѣе, чѣмъ когда-либо. Частью въ виду небезопасности проѣзда по взволнованной возстаніемъ странѣ, частью для приданія соотвѣтствующей пышности нашему визиту, къ сопровождавшимъ насъ доселѣ тридцати казакамъ и нашимъ старымъ киргизскимъ пріятелямъ была добавлена еще полусотня казаковъ, и, такимъ образомъ, обыкновенно, пустынная степь дрожала теперь подъ копытами цѣлаго маленькаго войска. Всѣ киргизы одѣты были въ праздничныя одежды, и ихъ черные, синіе, желтые и красные, обшитые серебряными и золотыми галунами, халаты соперничали въ блескъ съ мундирами сопровождавшихъ насъ русскихъ офицеровъ. На недавно установленной границѣ насъ ожидалъ одинъ изъ высшихъ китайскихъ военныхъ чиновъ, который, послѣ краткаго привѣтствія, круто повернулъ лошадь и помчался во всю прыть обратно, чтобы доложить своему повелителю о нашемъ приближеніи. При вѣздѣ въ городъ наши лошади шли, спотыкаясь, по грудамъ развалинъ, между обвалившимися и строящимися зданіями и густыми садами. Безобразныя монгольскія лица со всѣхъ сторонъ ослаблялись при нашемъ проѣздѣ, женщины, положительно, отталкивающей наружности, самымъ чувствительнымъ образомъ оскорбляли мое чувство красоты. Шествіе наше приблизилось къ дому намѣстника; мы остановились у широко открытыхъ воротъ, ожидая дозволенія войти. Напротивъ насъ возвышалась художественно разукрашенная стѣна съ изображеніемъ какого-то удивительнаго животнаго; направо и налѣво лежали на землѣ китайскія орудія пытки. Одинъ изъ домовыхъ слугъ просилъ насъ войти, приказавъ въ то же время казакамъ и киргизамъ оставаться на улицѣ. Намѣстникъ принялъ насъ,

съ величайшей торжественностью, въ жиломъ помѣщеніи, служащемъ ему въ то же время для отправленія судебныхъ и административныхъ обязанностей. Сохраняя все достоинство высокаго мандарина, скупясь на слова и произнося отдѣльные, отрывистые звуки, сопровождаемые однако ослабленной улыбкой, китайскій сановникъ протянулъ намъ руку и просилъ садиться къ чайному столу, уставленному безчисленнымъ множествомъ мелкихъ блюдъ. Кушанья состояли изъ риса, различныхъ, заготовленныхъ въ маслѣ и сушеныхъ плодовъ, нарѣзанной тонкими, какъ бумага, ломтиками свинины, сушеныхъ хвостовъ гарделовъ и множества неизвѣстныхъ и неопредѣленныхъ лакомствъ и сладостей; напитки-же—изъ чая и отвратительной, сивушной, рисовой водки, крѣпостью равняющейся спирту. Послѣ завтрака, прошедшаго для меня безъ дурныхъ послѣдствій,—благодаря тому, что я предусмотрительно позавтракалъ заранѣе дома,—былъ поданъ кальянъ, и затѣмъ намъ предложили осмотрѣть всѣ вообразимые и невообразимые предметы, находившіеся въ этой и сосѣдней комнатѣ: пейзажи и изображенія животныхъ, пожалованные правительствомъ похвальные листы, большую, тщательно завернутую въ пестрые шелковые ткани, государственную печать, удивительныя стрѣлы, которыя можетъ измыслить только китайскій умъ, произведенія европейской промышленности и т. под. Разговоръ велся съ необычайнымъ достоинствомъ и медлительностью. Слова наши переводились съ французскаго на русскій, съ русскаго на киргизскій, съ киргизскаго на китайскій языкъ, и отвѣты передавались тѣмъ-же медлительнымъ путемъ; немудрено поэтому, что разговоръ нашъ носилъ характеръ необычайной торжественности. Послѣ завтрака появились китайскіе стрѣлки, чтобы выказать передъ нами свою военную доблесть и искусство. Затѣмъ Джандзунъ самолично повелъ насъ въ свой фруктовый садъ, приглашая насъ вкусить отъ плодовъ его. Наконецъ, онъ простился съ нами, и мы снова поѣхали по городскимъ улицамъ и рынкамъ, въ домъ одного татарина нашли гостепріимство и прекрасный обѣдъ, скрашенный присутствіемъ его молодой красавицы-жены, которую, въ честь насъ, призвали на мужскую половину, и, передъ заходомъ солнца, покинули Чугучакъ, городъ, имѣющій теперь и свою историческую извѣстность.

Чугучакъ—тотъ самый городъ, который въ 1867 году, послѣ продолжительной осады дунганами,—монгольскимъ племенемъ, исповѣдующимъ исламъ и ведущимъ постоянную борьбу съ китайцами—попалъ въ ихъ руки, былъ уничтоженъ ими до основанія и стертъ съ лица земли.

Изъ тридцати тысячъ жителей-китайцевъ, которыхъ Чугучакъ незадолго передъ тѣмъ насчитывалъ, одна треть бѣжала, а остальные, успокоенные счастливымъ исходомъ нападенія, остались въ городѣ—на свою погибель. Когда дунганамъ удалось, наконецъ, овладѣть Чугучакомъ, они принялись хозяйничать тамъ съ тѣмъ-же безчеловѣчіемъ и жестокостью, какую раньше проявляли относительно ихъ китайцы. То, что не было уничтожено мечомъ, сдѣлалось жертвою огня. Когда одинъ изъ нашихъ спутниковъ черезъ двѣ недѣли послѣ разгрома посѣтилъ городъ, ни одинъ дымокъ не поднимался надъ обугленными крышами. Волки и собаки съ брюхомъ, раздутымъ отъ пожранныхъ человѣческихъ тѣлъ, удалялись, не торопясь, при его приближеніи, или спокойно продолжали справлять свою отвратительную тризну. Орлы, коршуны, вороны раздѣляли ихъ изобильную трапезу. Тѣла то лежали сброшенные въ кучи десятками и сотнями одно на другомъ, то валялись по улицамъ, дворамъ и домамъ по одиночкѣ, по два, по десяти, цѣлыми семьями, вмѣстѣ со сбѣжавшими въ ужасѣ сосѣдями. Со всѣхъ сторонъ видѣлись раскрытые черепы, обезображенные, обугленные лица, обглоданныя собаками и волками кости, тѣла безъ головы, безъ рукъ. Все, что можетъ создать самое необузданное воображеніе, становилось здѣсь страшною дѣйствительностью.

Въ настоящее время Чугучакъ насчитываетъ едва ли болѣе тысячи жителей. Вновь построенная, увѣнчанная башнями крѣпость, находится фактически подъ защитой маленькаго русскаго пикета въ Бахтахъ, ибо дунгане и до сихъ поръ не сложили оружія и до сихъ поръ окончательно не умирены.

Впрочемъ, во все наше многодневное странствованіе по долинкамъ Эмиля, мы не встрѣтили ни одного дунгана. Эмиль, исходя изъ Саура, течетъ между двумя горными хребтами, Тарабагатаемъ и Семисъ-тау, образующими между собою острый уголъ, и принимаетъ въ себя со всѣхъ сторонъ безчисленное множество ручейковъ. Китайцы, хорошо владѣя искусствомъ орошенія, сумѣли воспользо-

ваться всѣми этими водами и создали изъ долины Эмиля плодороднѣйшій уголокъ, пока не пришли дунгане и не обратили его снова въ бесплодную пустыню. Правда, мы натолкнулись вблизи города на нѣсколько деревень, попался намъ и калмыцкій аулъ, но все это представляло только развалины и остатки прежняго благосостоянія. На поля великодушная природа уже набросила цвѣтущій покровъ, но остатки деревень продолжали громко звать къ небу. Ужасы прошлыхъ дней со страшной яркостью выступаютъ передъ глазами. Между опустѣлыми стѣнами, съ провалившимися крышами, на кучахъ мусора, на которыхъ въ изобиліи растутъ семьи поганыхъ грибовъ, среди обломковъ китайскаго фарфора и обугленныхъ, а потому сохранившихся предметовъ домашней обстановки, валяются человѣческія кости, вперемежку со скелетами животныхъ, и въ особенности, собакъ. Люди сдѣлались жертвою неистовствовавшаго врага, и собаки раздѣлили ихъ участь, между тѣмъ какъ весь домашній скотъ былъ угнанъ, равно какъ и все болѣе цѣнное было захвачено, а остальное разрушено и предано огню. Изъ полудикихъ домашнихъ птицъ остались только ласточка да воробей; всѣхъ прочихъ замѣнили дикія птицы, селящіяся обыкновенно въ развалинахъ.

Когда мы снова натолкнулись на людей, это оказались русскіе киргизы, которые здѣсь, въ Китаѣ, пасли свои стада, воздѣлывали поля и воздвигали памятникъ одному изъ своихъ умершихъ.

Изъ долины Эмиля мы поднялись на Тарабагатай въ одномъ изъ наименѣе высокихъ мѣстъ горнаго хребта, перешли его и спустились на южную плоскость Чиликты, лежащую на высотѣ тысячи шестисотъ метровъ надъ поверхностью моря и окруженную горами Садромъ, Манракомъ, Терсерикомъ, Мусъ-тау, Уркошаромъ и Тарабагатаемъ. Пересѣвши эту плоскость, мы стали отыскивать себѣ путь по извилистымъ ущельямъ Манракскихъ горъ, чтобы достигнуть долины Зайсана и небольшого, недавно возникшаго, пограничнаго городка Зайсанска. Здѣсь, на русско-китайской границѣ, мы снова встрѣтили европейскій комфортъ и удобства. Въ обществѣ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ лѣтнемъ клубѣ, проводили время точно такъ же, какъ въ Петербургѣ или Берлинѣ: пѣли, танцевали, играли, бесѣдовали. Чудное пѣніе соловья со-

проводило танцы и романсы; мы забывали, гдѣ мы находимся...

Я воспользовался своимъ пребываніемъ здѣсь, чтобы предпринять охоту на уларовъ, горныхъ курочекъ, похожихъ на куропатку, но съ глухаря величиною, и успѣлъ къ тому же познакомиться съ жизнью бѣднѣйшихъ кочевниковъ-киргизовъ, съ новой для меня стороны, почему и покинулъ дикія Манракскія горы вполне довольный результатами своей экскурсіи.

Къ вечеру, 31 мая, мы снова сѣли въ наши дорожные экипажи и покатили по богатой, черноземной степи къ Черному Иртышу, по которому на слѣдующій день достигли озера Зайсана. Какъ ни скучны казались намъ до сихъ поръ сибирскія рѣки, этого далеко нельзя было сказать о Черномъ Иртышѣ. Чудныя перспективы на два могучіе горные хребта Сауръ и Алтай, съ ихъ отрогами, восхищали глазъ, зеленѣющіе берега рѣки, оживленные лѣніемъ птицъ и хлопотливой птичьей жизнью, ласкали зрѣніе и слухъ. Наскоро закинутая сѣть доставляла множество прекраснѣйшей рыбы, какъ доказательство того, что рѣка столь же богата, сколько красива. Переѣхавъ 2-го іюня мелкое и мутное, но изобилующее рыбою Зайсанское озеро, мы на слѣдующій день миновали наиболѣе пустынную часть степи, какую намъ до тѣхъ поръ доводилось видѣть, но зато именно здѣсь познакомились съ тремя характернѣйшими типами степныхъ животных: куланомъ или дикою лошадыю, степною антилопою и саджей. Намъ удалось убить одну изъ послѣднихъ, а наши киргизы поймали живого кулана-жеребенка. Вечеромъ мы отдыхали въ предгоріяхъ Алтая, а на слѣдующій день, на заранѣ условленномъ пунктѣ, встрѣтились съ нашими гостепріимными хозяевами, семьей начальника Семипалатинской области, съ которыми и продолжали далѣе путь.

Это было чудное путешествіе, хотя дождь, снѣгъ и вѣтеръ слишкомъ часто сопровождали насъ, — лишая привѣтливую юрту значительной доли ея комфорта, — хотя горные ручьи пресѣкали намъ путь и заставляли лазать по такимъ тропинкамъ, по которымъ у насъ, въ Германіи, не ѣздятъ верхомъ, а только карабкаются охотники за козами. Такъ какъ насъ сопровождали и казаки, и киргизы, то, для продовольствія нашего многочисленного

отряда, впереди насъ шло цѣлое стадо барановъ, которое замѣтно уменьшалось съ каждымъ переходомъ. Покинувъ Зайсанское озеро, мы снова вступили въ Китай, и намъ предстояло нѣсколько дней пути, прежде чѣмъ, достигнувъ болѣе низменныхъ мѣстъ, мы снова натолкнемся на живыхъ людей.

Когда киргизы, созданные губернаторомъ для какихъ-то приказаній относительно правъ ихъ на пастбища въ казенномъ имѣніи Алтаѣ, покинули насъ, наше общество все еще насчитывало до шестидесяти всадниковъ и свыше сотни лошадей. Рано утромъ, юрты разбирали надъ нашими головами и посылали ихъ впередъ на вьюкахъ; потомъ выѣзжали всѣ мы, болѣе или менѣе многочисленными группами, останавливались завтракать на удобныхъ мѣстахъ, пропускали мимо себя вьючныхъ лошадей, потомъ снова двигались въ путь, вторично обгоняли ихъ, и къ вечеру настигали у привала вышедшее раннимъ утромъ стадо барановъ, имѣя такимъ образомъ случай наблюдать каждый вечеръ пеструю, лагерную жизнь. Чудныя, ярко-зеленыя, благоухающія весенними травами равнины открывались передъ нашими глазами; высокія, крутыя, еще покрытыя снѣгомъ горы, на которыя мы взбирались, открывали намъ дивныя панорамы на пройденное степное пространство, на Сауръ и Тарабагатай, пока, наконецъ, мы не увидѣли передъ собою Марка-Куль, этотъ перлъ среди китайскихъ горныхъ озеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не вступили въ настоящую альпійскую страну. Три дня шли мы вдоль озера, задерживаемые непогодой и дурными дорогами, потомъ ѣхали дремучими лѣсами, почти непроходимыми ущельями, то въ гору, то подъ-гору, по направленію къ русской границѣ, потомъ головоломными тропинками спустились въ цвѣтущую долину Бухтармы и здѣсь, во вновь основанномъ казачьемъ поселкѣ — Алтайской станицѣ, снова нашли русское радушіе и гостепріимство, отдыхъ и комфортъ.

Богато одаренные со стороны офицеровъ станицы различными мѣновыми товарами, 12-го іюня мы снова двинулись въ путь. Ярко и весело свѣтило солнце съ чистаго голубого неба на грандіозные, сегодня въ первый разъ не скрытые облаками, пейзажи. Необъятныя долины, подобныя садамъ, окруженныя крутыми, отвѣсными, увѣчанными снѣгомъ и залитыми волшебнымъ свѣтомъ горными вер-

пинами, чудныя деревья по дугамъ, цвѣтущіе кустарники на уступахъ горъ, безконечно разнообразный, не поддающийся никакому описанію, уборъ цвѣтовъ, словно ликующихъ при свѣтѣ давно невиданнаго солнца, только что расцвѣтшія дикія розы всевозможныхъ цвѣтовъ, крикъ кукушки и пѣніе тысячи птицъ, киргизскіе мулы у подошвы горъ и русскія, утопающія въ зелени, деревушки, пасущіяся стада, плодородныя поля, гремящія ручьи и зубчатые массы скалъ, теплый воздухъ, напоенный весеннимъ благоуханіемъ,—все это окружало нашъ путь несказаннымъ очарованіемъ. Вскорѣ мы перешли границу казеннаго имѣнія Алтай—имѣнія, немногимъ уступающаго величиною Франціи! Послѣ дневного переѣзда мы достигли горнаго городка Зырянскаго, съ его серебряными копями. Радужно принятые, какъ вездѣ и всюду, мы осмотрѣли его рудники и снова направились къ Иртышу; спустились по немъ мимо Бухторминской къ Усть-Каменогорску и отсюда, снова въ экипажахъ, двинулись по имѣющему великую будущность казенному имѣнію. Къ привѣтливымъ отрогамъ горъ примыкаютъ степныя пространства; населенныя мѣста смѣняются, на большія протяженія, обширными лѣсами. Большія, богатые села, драгоценныя, черноземныя поля, статные, полные сознанія своего благосостоянія, жители, красивыя женщины въ живописныхъ одеждахъ, дѣтски-любопытные и младенчески-добродушные люди, превосходныя, сильныя, выносливыя лошади, крупный, сытый скотъ вокругъ деревень, безконечныя обозы съ рудой и углемъ, тянущіеся по прекраснымъ дорогамъ, сурки на выступамъ горъ, суслики въ долинахъ, орлы-могильники на придорожныхъ столбахъ, очаровательныя крохотныя чайки вокругъ видныхъ пространствъ—оживляютъ мѣстность, черезъ которую пролегаетъ нашъ путь. Торопливо, не останавливаясь, миновали мы эти мѣста, на-лету заглянули въ маленькій городишко Змѣиногорскъ, столь по праву носящій это названіе, дали себѣ краткій отдыхъ въ главномъ пунктѣ имѣнія, уѣздномъ городѣ Барнаулѣ, и затѣмъ, чрезъ горный городокъ Салаиръ, направились въ Томскъ.

Еще не доѣзжая Барнаула, мы достигли Оби, подъ Барнауломъ переправились черезъ нее, а въ Томскѣ сѣли на пароходъ, чтобы прослѣдить все теченіе исполинской рѣки, область которой превышаетъ область теченія всѣхъ

западно-европейскихъ рѣкъ, вмѣстѣ взятыхъ. Двѣ тысячи шестьсотъ верстъ, почти четыреста географическихъ миль, плыли мы вверхъ по рѣкѣ, войдя въ нее по Томи; четыре дня и четыре ночи спускались внизъ по рѣкѣ, несмотря на то, что пароходъ дѣлаетъ этотъ путь вдвое скорѣе, чѣмъ въ обратную сторону. Одиннадцать дней и одиннадцать ночей намъ понадобилось на то, чтобы совершить переѣздъ между слияніемъ Иртыша и впаденіемъ Щучьей, хотя мы отдыхали всего нѣсколько часовъ въ Самаровскомъ и Березовѣ, а тѣ два дня, которые мы провели въ Обдорскѣ, послѣднемъ русскомъ селеніи на Оби, вовсе не идутъ здѣсь въ расчетъ. Могуча и величественна эта рѣка, несмотря на всю свою пустынность и однообразіе. Она течетъ въ долину отъ десяти до тридцати километровъ шириною, образуя своими безчисленными низовьями безконечное множество отроговъ, мѣстами разливаясь въ цѣлыя необозримыя озера, и ближе къ истоку достигая средней глубины въ двадцать восемь метровъ. Оба ея берега окаймляютъ едва пересѣченные кой-гдѣ просѣками, дѣвственные лѣса, въ глубь которыхъ не заходила даже нога туземца; ивнякъ, въ различныхъ степеняхъ своего развитія, покрываетъ вѣчно измѣняющіе форму, то исчезающіе, то снова вырастающіе острова. Все бѣднѣе и бѣднѣе становится страна, бѣднѣе и скуднѣе лѣсъ, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, хотя ближе къ устью рѣки въ изобиліи даетъ то, въ чемъ отказывается земля. Уже почти подъ Томскомъ, ниже Тобольска, почва не вознаграждаетъ трудъ земледѣльца; далѣе къ сѣверу прекращается постепенно и скотоводство; зато рѣка кишитъ несмѣтнымъ количествомъ цѣнныхъ породъ рыбы, а дремучіе лѣса по обоимъ берегамъ рѣки изобилуютъ пушными звѣрами и дичью. Не мудрено, что крестьянина, землепашца здѣсь смѣняетъ рыболовъ и охотникъ, а скотовода — владѣлецъ оленьихъ стадъ. Все рѣже и рѣже встрѣчаются русскія деревни, все чаще селенія остяковъ, и вотъ, наконецъ, однѣ только переносныя береговыя хижины, называемыя зумами, да кое-гдѣ жалкія избенки, временныя жилища русскихъ рыбаковъ, свидѣлствуютъ о присутствіи человѣка.

Мы заранѣе рѣшили уже проѣхать также и тундрой, т. е. покрытой мхами степью, и избрали для этой цѣли лежащую между Обью и Карскимъ моремъ часть Самоѣдскаго полуострова, тѣмъ болѣе что въ этой части тундры,

широкимъ, безлѣснымъ кольцомъ охватывающей сѣверный полюсъ, намъ предстояло также рѣшить важный въ торговомъ отношеніи вопросъ. Въ Обдорскѣ и ниже по рѣкѣ мы наняли для предстоящаго путешествія нѣсколькихъ человѣкъ, русскихъ, зырянъ, остяковъ и самоѣдовъ, и 15-го іюля двинулись въ путь.

Въ сѣверныхъ высотахъ Урала, носящихъ здѣсь уже характеръ альпъ, берутъ начало, на небольшомъ разстояніи одна отъ другой, три рѣки: Уса, притокъ Печоры, Байдарака, впадающая въ Карское море, и Щучья, впадающая въ Обь. Мы намѣревались пройти область двухъ послѣднихъ. Какова здѣсь мѣстность, какимъ способомъ намъ придется передвигаться, найдемъ-ли мы оленей, или должны будемъ идти пѣшкомъ, — никто не могъ сказать намъ.

До впаденія въ Обь Щучьей мы передвигались обыкновеннымъ способомъ, въ каждомъ близнемъ селеніи отпускаая прежнихъ гребцовъ и нанимая новыхъ; по Щучьей же гребли уже наши собственные люди. Цѣлую недѣлю плыли мы медленно вверхъ по рѣкѣ, добросовѣстно слѣдуя всѣмъ ея извилинамъ, по крайне однообразной, мертвенно-скучной тундрѣ, то приближаясь къ Уралу, то снова отдаляясь отъ него. Восемь дней не видѣли мы живого человѣка, а только слѣды его, въ видѣ могилъ, да упакованныхъ въ сани, заготовленныхъ на зиму, сокровищъ. Непроходимыя болота по обѣ стороны рѣки не давали возможности проникнуть внутрь страны, мірады кровожадныхъ комаровъ неотступно мучили насъ. На седьмой день пути мы увидѣли собаку, что составило событіе для насъ и нашихъ людей; на восьмой день мы натолкнулись на жилой чумъ и нашли въ немъ единственнаго человѣка, который могъ дать намъ какія-либо свѣдѣнія о предстоящемъ пути. Мы взяли его, въ качествѣ проводника, и вмѣстѣ съ нимъ, три дня спустя, двинулись въ путешествіе, которому суждено было оказаться для насъ столь же тяжкимъ, сколько опаснымъ.

Намъ сказали, что въ девяти суткахъ пути, на саддабейскомъ пастбищѣ, въ Уралѣ, мы достанемъ оленей; на Щучьей въ это время нельзя было найти ни одного. Поэтому намъ оставалось только продолжать путь пѣшкомъ, отважившись на всю тягость и непріятности такого способа передвиженія по лишенной дорогъ, лишенной съѣст-

ныхъ припасовъ, переполненной комарами, непріютной и, что самое главное, незнакомой мѣстности.

Осмотрительно, послѣ долгихъ совѣщаній между собою и съ туземцами, сдѣлали мы всѣ приготовленія къ пути и тщательно взвѣсили грузъ, который каждому приходилось нести на плечахъ, чтобы избѣжать стоявшаго передъ нами грознаго призрака голода. Мы знали хорошо, что просуществовать въ тундрѣ можетъ только кочевникъ-пастухъ, а отнюдь не охотникъ; знали по опыту, какія тяготы намъ придется нести отъ отсутствія дорогъ, несмѣтныхъ полчищъ комаровъ, непостоянства погоды, непріютности тундры, вообще, и, сообразно всему этому, сдѣлали наши приготовленія; но того, чего мы не знали, и что между тѣмъ постигло насъ, нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Возвращаться намъ не хотѣлось; хотя, конечно, если-бы мы знали, что намъ предстоитъ, мы все-таки предпочли-бы вернуться.

Въ короткихъ полушубкахъ, нагруженные кромѣ котомки на плечахъ, со съѣстными и боевыми припасами, еще ружьемъ и дорожной сумкой, выступили мы 29 іюля въ наше странствіе, оставивъ лодку на попеченіе двухъ человѣкъ. Съ величайшимъ трудомъ, изнемогая подъ навьюченной на наши спины тяжестью, неотступно, день и ночь мучимые комарами, двигались мы впередъ, отдыхая сначала каждый часъ, потомъ каждые полчаса и, наконецъ, черезъ каждую тысячу шаговъ, но не находя покоя и отдыха въ этомъ сплошномъ роѣ комаровъ.

Намъ приходилось взбираться на безчисленное множество холмовъ, исходить столько же долинъ, переправляться въ бродъ по болотамъ и топямъ; мы проходили мимо сотни безымянныхъ озеръ; пробирались чрезъ трясины и рѣчки.

Болѣе непривѣтливо не могла насъ встрѣтить тундра. Вѣтеръ хлесталъ намъ въ лицо мелкимъ дождемъ, въ промокшихъ полушубкахъ ложились мы на пропитанную дождемъ землю, безъ крова, безъ согревающего костра вблизи, и, попрежнему, неотступно мучимые комарами. Но взошедшее солнце снова сушило нашу одежду, придавало намъ бодрость и силы, и мы подвигались дальше. Радостная вѣсть подкрѣпила насъ еще болѣе, чѣмъ солнце и сонъ. Наши слуги открыли вдали два чума, и въ зрительныя трубы мы ясно разглядѣли даже пасущихся вокругъ нихъ оленей. Крайне обрадованные,

мы уже представляли себѣ, какъ мы удобно растянемся въ единственномъ возможномъ здѣсь экипажѣ-саниахъ, и какъ быстро понесутъ насъ по тундрѣ своеобразно запряженные олени. Мы спѣшимъ подойти къ чумамъ, къ оленямъ, и—страшное зрѣлище предстаетъ передъ нашими глазами. Среди оленьихъ стадъ свирѣпствуетъ сибирская язва, самая страшная изъ всѣхъ моровыхъ язвъ, опасная и для человѣка—неумолимый, безъ разбора и пощады, сѣющій истребленіе ангелъ смерти, передъ которымъ безсиленъ человѣкъ, который доводитъ до нищеты мѣстныя племена и такъ же безпощадно ищетъ жертвъ между людьми, какъ и между животными.

Семьдесятъ шесть палыхъ оленей насчитываю я въ непосредственной близости чума; куда ни обратишь взоръ, всюду встрѣчаешь трупы упавшихъ и лежащихъ въ предсмертныхъ судорогахъ оленей, взрослыхъ и пыжиковъ. Предчувствуя смерть, нѣкоторые изъ нихъ подбѣгаютъ къ приготовленнымъ уже къ отъѣзду саниамъ, какъ будто надѣясь найти помощь и спасеніе у человѣка; отогнать ихъ нѣтъ возможности; они стоятъ одну, двѣ минуты съ выпученными глазами, безсильно скрестивъ переднія ноги, шатаются изъ стороны въ сторону, стонутъ и падаютъ; бѣлая, пузырчатая слізъ выступаетъ у нихъ на губахъ и на носу—еще нѣсколько подергиваній—и на землѣ однимъ трупомъ больше. Матки съ оленятами отходятъ отъ стада, ища спасенія, и тотчасъ же падаютъ въ предсмертныхъ судорогахъ, а дѣтеныши ихъ или смотрятъ съ удивленіемъ на корчи, подергивающія ихъ родительницъ, или беззаботно пасутся возлѣ. Черезъ нѣсколько времени они снова подходятъ къ матери, ища ея ласкъ, но находятъ только трупъ, который они сначала обнюхиваютъ, потомъ въ ужасѣ отскакиваютъ прочь, кидаются къ одному, къ другому изъ взрослыхъ оленей и, отовсюду гонимые, наконецъ, находятъ то, чего не искали: смерть отъ стрѣлы, пущенной хозяиномъ, желающимъ, по крайней мѣрѣ, сохранить шкуру. Смерть одинаково неумолимо свирѣпствуетъ, какъ между старыми, такъ и между молодыми оленями: самые сильные, красивые олени-самцы такъ же неминуемо гибнутъ, какъ и подростки обоихъ половъ.

Между тѣмъ, среди издыхающихъ и палыхъ животныхъ, торопливо снуютъ люди, хозяинъ стада Шунгей, его семья

и слуги, съ безразсудной алчностью стараясь спасти, что возможно. Хорошо сознавая опасность, которая угрожаетъ имъ, если въ кровь ихъ попадетъ хотя малѣйшая капля крови, хотя атомъ пузырчатой пѣны больного животнаго, зная, что уже сотни изъ ихъ единоплеменниковъ погибли въ страшныхъ мукахъ отъ злокачественной заразы, они тѣмъ не менѣе работаютъ изо всѣхъ силъ, сдирая шкуры съ отравленныхъ животныхъ. Ударъ топора прекращаетъ мученія издыхающаго оленя, пущенная изъ лука стрѣла убиваетъ пыжика, и чрезъ нѣсколько минутъ его шкура, которая долго еще сохраняетъ заразительность, лежитъ вмѣстѣ съ другими на землѣ. Окровавленными руками остякъ макаетъ вырѣзанные изъ теленка куски мяса въ кровь, скопившуюся въ грудной полости убитаго животнаго, и куски эти тотчасъ же пожираетъ въ сыромъ видѣ. Залитые кровью мужчины, подобныя отгратительнымъ вѣдъмамъ женщины, словно кровожадные гіены рожьются въ падали. Не обращая вниманія на дамокловъ мечъ, висящій надъ ихъ головами уже не на волоскѣ, а на паутинкѣ, они предаются своей кровавой тризнѣ, въ которой принимаютъ участіе и дѣти, начиная отъ мальчика-подростка до залитой кровью, едва отставшей отъ груди матери, маленькой дѣвочки.

Чумы снимаютъ и переносятъ на сосѣдній холмъ; несчастное стадо, вышедшее съ Урала въ количествѣ двухъ тысячъ головъ и сократившееся до двухъ сотенъ, устѣявшее трупами всю пройденную имъ дорогу, снова собирается вокругъ чумовъ; но на слѣдующее утро, вблизи новаго ночлега мы уже вновь насчитываемъ сорокъ палыхъ оленей...

Намъ извѣстна была опасность, которая грозитъ чловеку отъ зараженнаго сибирскою изьюю животнаго, но мы не знали всѣхъ ея размѣровъ. Поэтому мы купили нѣсколько на видъ пока совершенно здоровыхъ оленей, впрягли ихъ въ трое саней, на которыя взвалили нашу поклажу, и рядомъ съ ними, налегкѣ, выступили въ путь. Питаться олениною, какъ мы надѣялись и разсчитывали, было рискованно; поэтому мы еще внимательнѣе стали посматривать кругомъ, не удастся ли намъ найти и убить какую-либо мелкую дичь, дергача, ржанку или утку. Тщательно сберегая наши скудные запасы, усаживались мы вокругъ огня въ томъ случаѣ, когда хотя бы

ничтожнѣйшая изъ подвластныхъ Діанѣ нимфъ оказывала намъ покровительство, и собственноручно жарили на вертелѣ хотя бы самую незначительную пичужку. Однако набѣдаться досыта намъ не удавалось.

Мы пересѣкли страшный путь смерти, пройденный Шунгеемъ, и достигли первоначальной цѣли нашего путешествія, Байдараки. На нашу долю выпало необыкновенное счастье еще разъ наткнуться на чумы и оленей, съ помощью которыхъ мы добрались до моря, но должны были, не ступивъ на берегъ, возвратиться обратно. Передъ нами лежало не только непроходимое болото, но и опять-таки необозримыя груды оленьихъ труповъ; мы еще разъ натолкнулись на дорогу Шунгея, по которой онъ бѣжалъ обратно, и нашъ новый знакомый, пастухъ Санда, не рѣшался пересѣчь ее.

Смерть унесла жертвы и изъ его стада, бѣда посѣтила и его домъ, и еще несравненно чувствительнѣе домъ его сосѣда. Этотъ сосѣдъ, кочевавшій и пасшій свои стада вмѣстѣ съ Сандой, поѣлъ мяса отъ зачумленного оленя, убитаго имъ незадолго передъ смертью, и долженъ былъ поплатиться за этотъ проступокъ собственною жизнью и жизнью нѣсколькихъ членовъ своей семьи. Трижды пастухъ Санда передвигалъ его чумъ, и трижды рылъ новыя могилы среди оленьихъ труповъ. Прежде всего умерло двое дѣтей, затѣмъ работникъ легкомысленнаго чловека, на третій день умеръ и онъ самъ. Еще одинъ ребенокъ лежалъ больной и стоналъ отъ страшныхъ мученій въ то время, какъ мы предприняли поѣздку къ морю; когда мы возвратились къ чуму, стоны его уже умолкли, и четвертая могила приютила пятую жертву. Но и эта жертва была еще не послѣдняя.

Одинъ изъ нашихъ людей, остякъ Хадтъ, усердный, всегда веселый, симпатичный и цѣнимый всѣми нами чловекъ, уже третій день метался и жаловался на невыносимую боль и постоянно увеличивающійся ознобъ. Мы уложили его въ сани, когда ѣхали къ чуму Санды; такимъ же образомъ перевезли его и тогда, когда чумъ передвигался уже въ пятый разъ съ мѣста на мѣсто. На ночлегъ онъ лежалъ среди насъ у очага. По временамъ онъ приподымался и обнажалъ свое тѣло, чтобы согрѣть его у огня; подвигалъ также къ пламени и свои окоченѣвшія ноги, не обращая, повидимому, вниманія на то,

что оно жгло ему подошвы. Наконецъ, мы заснули, и онъ, вѣроятно, также; но когда мы проснулись на слѣдующее утро, его ложе оказалось пустымъ. Мы нашли его на дворѣ передъ чумомъ; онъ сидѣлъ, прислонившись къ санямъ, обратившись лицомъ къ солнцу, лучами котораго хотѣлъ, очевидно, согрѣться; онъ сидѣлъ неподвижно, спокойно и не стоналъ болѣе: онъ былъ мертвъ.

Нѣсколько часовъ спустя, мы похоронили его согласно обрядамъ и обычаямъ его племени. Онъ былъ честнымъ „идолопоклонникомъ“, и потому долженъ былъ быть погребенъ по языческому обряду. Наши „православные“ спутники рѣшительно отказались принять въ этомъ участіе, а потому одни только товарищи-„язычники“ исполнили, съ нашею помощью, это, хотя не христіанское, но человѣческое дѣло. И такъ, въ пятой могилѣ покоилась уже шестая жертва.

Но была-ли эта могила послѣдней? Вотъ вопросъ, который я невольно задавалъ себѣ, ибо, какъ мнѣ, такъ и всѣмъ моимъ товарищамъ, становилось жутко въ этомъ царствѣ смерти. Къ счастью, могила Хадта оказалась, дѣйствительно, послѣдней на этомъ пути.

Мрачно настроенные, бѣдствуя отъ возрастающаго недостатка съѣстныхъ припасовъ, мы двинулись далѣе, снова по направленію къ Щучей. Санда кое-какъ кормилъ нашихъ людей; мы сами добывали себѣ скудное пропитаніе охотой. И когда намъ, однажды, удалось въ одно утро раздобыть цѣлое семейство гусей и подстрѣлить еще нѣсколько куропатовъ, бекасовъ и зуйковъ, мы задали настоящій пиръ, такъ какъ, наконецъ, имѣли возможность наѣсться досыта, не разсчитывая каждый кусокъ. Безъ помощи нашего хозяина, однако, мы едва-ли могли бы прокормиться въ пути.

Мы пріѣхали къ Щучей, добрались, уже издержавъ почти всѣ запасы, до нашей лодки, и здѣсь, впервые послѣ двухъ недѣль, насладились относительными, въ сущности, ничтожными, но показавшимися намъ безграничными, удобствами. Съ тундрою мы распрощались навсегда.

Правда, когда мы выше по Оби встрѣтили шамана, занятаго рыбною ловлею, и попросили его дать намъ образчикъ своего искусства и мудрости, онъ, вызвавъ съ помощью глухого барабаннаго боя благоволившаго къ

нему посла боговъ, Ямаула, возвѣстилъ намъ, что не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году, мы снова посѣтимъ непривѣтливую страну, которую только что покинули, и что тогда мы будемъ держаться того направленія, гдѣ берутъ свое начало Щучья, Байдарата и Усса; ибо насъ награждать два царя; наши „старѣйшины“ останутся довольны нашими писаніями и еще разъ пошлютъ насъ путешествовать. Во время же настоящаго пути съ нами не приключится болѣе никакихъ бѣдъ. Таковы были будто бы слова вѣстника боговъ, слышимыя ему одному.

Послѣдняя часть предсказанія сбылась. Медленно, правда, но безъ всякихъ злключеній, ѣхали мы двадцать три дня вверхъ по Оби, затѣмъ пересѣли на давно желанный пароходъ и благополучно проплыли три дня вверхъ по Иртышу. Безъ злключеній, хотя и не безъ препятствій, переѣхали мы черезъ Уральскіе горы; быстро спустились на удобномъ пароходѣ внизъ по Камѣ; нѣсколько медленнѣе везъ насъ пароходъ вверхъ по Волгѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ насъ приняли такъ же радушно, какъ и въ первый разъ; на родинѣ насъ радостно привѣтствовали. Наши „старѣйшины“, повидимому, также остались довольны нашими писаніями, но въ тундру мы, или, по крайней мѣрѣ, я никогда уже болѣе не заглядывалъ.

Выдано 19 февраля 1894 г.

ВЫХОДЯТЪ ВЪ СЕРЕДИНѢ КАЖДАГО МѢСЯЦА ПРИ ЖУРНАЛѢ „НИВА“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Невѣста. Повѣсть князя Дмитрія Голицына (Муравлина)	193	Бытовая и семейная жизнь киргизовъ. Очеркъ А. Брема.	325
Изъ посланій къ Тираѣ. (Изъ Байрона). Перев. Д. Михаловскаго	235	Переписка Ивана Грознаго съ Елизаветой Англіійской. В. Адамовича.	345
Драма на глухомъ хуторѣ. Разсказъ Р. Л. Маркова	237	П. И. Чайковскій. Опытъ характеристики его дѣятельности. В. С. Баскина.	351
Стихотвореніе А. М. Бедорова	275	Письмо митрополита Филарета о спиритизмѣ	365
Вольной дорогой. Романъ Э. Вернеръ. Переводъ съ нѣмецкаго	277	Библіографія	368
Стихотвореніе Л. Афанасьева	323	Шахматы, шашки и задачи	373
		Смѣсь	380

Невѣста.

Повѣсть Князя Дмитрія Голицына (Муравлина).

I.

— Мы черезъ часъ пріѣдемъ въ Эмсъ, сказалъ Владиміръ Николаевичъ и пересѣлъ поближе къ окну вагона, — я нѣсколько утомился и чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что, отъ самаго Франкфурта, въ продолженіе цѣлаго часа, никто, къ нашему семейству не принадлежащій, не вошелъ къ намъ и не стѣснилъ насъ, столь нуждающихся въ отдыхѣ послѣ утомительнаго трехдневнаго пути, прерваннаго лишь ночевкою во Франкфуртѣ.

Онъ всегда такими круглыми фразами выражалъ свои мысли. Въ былые годы, начавъ службу въ прокуратурѣ, онъ выработалъ себѣ подобіе краснорѣчія, привыкъ къ готовымъ выраженіямъ. Протяжно-многословный, медленный въ движеніяхъ, онъ методично жилъ, точно совершая гигиеническую прогулку. Онъ любилъ систему и порядокъ и охотно признавался въ томъ, что, будучи еще членомъ суда, составилъ себѣ родъ справочной таблички, гдѣ было безошибочно высчитано, въ какіе сроки предстоятъ ему награды

БЫТОВАЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ КИРГИЗОВЪ.

Очеркъ А. Брема.

Преслѣдуемые справедливой карой закона, бѣжали четыре вора изъ мѣстъ, населенныхъ честными людьми, и нашли себѣ пріютъ въ вольной степи. Во время бѣгства къ нимъ присоединились двѣ нищенки, также изгнанныя изъ среды людей работающихъ и трудолюбивыхъ. Ворами нищенки понравились, и они сочетались съ бѣглянками бракомъ, взявъ себѣ по одной женѣ на двухъ. Изъ этого союза, противнаго законамъ божескимъ и человѣческимъ, возникло многочисленное потомство, которое образовало въслѣдствіи цѣлый народъ, населившій необитаемую до-тогѣ степь. Но, вѣрный своему происхожденію, народъ этотъ сталъ народомъ-воромъ — какъ его отцы, народомъ-попрошайкой — какъ его матери, народомъ, не имѣющимъ ни вѣры, ни нравственности, какъ родители его съ той и другой стороны. Народъ этотъ и есть киргизы, самое имя которыхъ означаетъ — «разбойники».

Такъ разсказываетъ правовѣрный писатель-татаринъ объ единоплеменномъ ему народѣ, говорящемъ на одномъ съ нимъ языкѣ, исповѣдующемъ одного съ нимъ Бога, по ученію одного и того же пророка; такъ говоритъ онъ единственно потому, что киргизы въ дѣлахъ вѣры не держатся такъ рабски буквы закона, не думаютъ такъ узко, какъ онъ.

А между тѣмъ, путешественникъ, побывавшій у киргизовъ, чужестранецъ, нашедшій пріютъ и гостепріимство подъ легкой кровлей юрты, ученый, изслѣдующій нравы и обычаи народа, чиновникъ, живущій среди киргизовъ, въ качествѣ стража закона или представителя административной власти, однимъ словомъ, всякій, кто имѣетъ дѣло съ этимъ народомъ, судить о немъ совершенно иначе, чѣмъ названный выше татаринъ-поэтъ.

Было время, когда киргизы оправдывали свое названіе, но время это, по крайней мѣрѣ, для многихъ ордъ, давно миновало. Можетъ быть образъ мыслей предковъ, разсказы о ихъ воинскихъ и разбойничьихъ набѣгахъ находятъ и до сихъ поръ отклики въ душѣ каждого киргиза, но фактически этотъ народъ-наѣздникъ совершенно подчинился законамъ своихъ нынѣшнихъ повелителей: живетъ въ мирѣ со своими сосѣдями, уважаетъ права собственности, и воруетъ и

грабить никакъ не чаще, а скорѣе рѣже, чѣмъ другіе народы.

Киргизы именно народъ-наѣздникъ; они почти немислимы безъ лошади. Они растутъ вмѣстѣ съ жеребятами, и до самой смерти живутъ вмѣстѣ съ лошадьми. Положимъ, нельзя сказать, чтобы киргизъ только на лошади чувствовалъ себя дома; напротивъ, онъ ѣздитъ и на другихъ животныхъ, какія только способны возить его; но лошадь остается его лучшимъ товарищемъ и другомъ, и въ сущности одна только признается дѣйствительно достойною возить своего хозяина. Мужчины и женщины сидятъ верхомъ одинаково, и женщины ѣздятъ нерѣдко съ менѣйшимъ искусствомъ, чѣмъ мужчины. Посадка киргиза небрежна и некрасива, хотя удобна. Киргизъ ѣздитъ на короткихъ стременахъ, безъ шенкелей, касаясь колѣнями передняго края сѣдла, и потому свободно сохраняетъ равновѣсіе. На рыси онъ становится на стремяна, поднимается во весь ростъ, и такъ низко наклоняетъ голову впередъ, что почти касается ею шеи лошади; но на шагъ или галопѣ, составляющемъ обыкновенный аллюръ, онъ держится прямо. Поводъ онъ держитъ всей рукой; нагайку, висающую на ременной петлѣ, большимъ, указательнымъ и третьимъ пальцемъ. Онъ нерѣдко вылетаетъ изъ сѣдла, потому что не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на дорогу, предоставляя эту работу самой лошади. Киргизъ не затруднится проѣхать по какой угодно тропинкѣ, точно также какъ не затруднится сѣсть на какую угодно бѣшеную лошадь. Дорога, по его понятіямъ, означаетъ только протяженіе отъ одного пункта до другого; а что лежитъ между этими двумя пунктами — ему совершенно все равно. Пока онъ сидитъ на лошади, онъ требуетъ отъ нея почти невозможнаго; пускаетъ ее вскачь въ гору и подъ-гору, по твердой землѣ, по болотамъ, водѣ и полямъ, карабкается по отвѣснымъ стѣнамъ, которыя каждый другой наѣздникъ счелъ бы безусловно неприступными; спокойно смотритъ съ высоты сѣдла въ пропасти по обѣимъ сторонамъ узкой тропинки, хотя при видѣ ихъ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ у всякаго другого даже опытнаго ходока по горамъ. Зато, сойдя съ лошади,

онъ начинаетъ холить ее въ той же мѣрѣ, въ какой раньше не шадилъ ее, и ухаживаетъ за нею по всѣмъ правиламъ, выработаннымъ опытомъ.

Во время празднествъ, киргизъ выдѣлываетъ на потѣху зрителей, въ которыхъ никогда не встрѣчается недостатка, всевозможныя эволюціи на лошади: становится на перекинутыя крестъ-на-крестъ стремена и скачетъ, стоя, скачетъ вверхъ ногами, держась руками за стремена или за сѣдло, или виситъ на одной сторонѣ лошади, стараясь поднять съ земли какой-нибудь предметъ. Скачки считаются у нихъ величайшимъ изъ удовольствій и устраиваются при каждомъ удобномъ случаѣ.

Къ скачкамъ, называемымъ «байка», допускаются, обыкновенно, только благороднѣйшія лошади и непремѣнно иноходцы. Пробигаемое пространство при этомъ весьма велико—не менѣе двадцати, а иногда даже до сорока верстъ. Обыкновенно избираютъ конечной цѣлью какой-нибудь извѣстный пунктъ: хохмикъ, могилу и тому под., и затѣмъ возвращаются тѣмъ же путемъ обратно. Лошадами управляютъ мальчики семи, восьми, и самое большее, десяти лѣтъ, которые съ удивительнымъ искусствомъ держатся въ сѣдлѣ. Когда состязаніе придти къ концу, навстрѣчу возвращающимся всадникамъ выѣзжаютъ другіе, и оказываютъ тому изъ иноходцевъ, который имѣетъ наиболѣе шансовъ выиграть, помощь, называемую «гутурма». Помощь эта заключается въ томъ, что берутся за ее поводья, стремена, хвостъ и гриву, и скорѣе тянутъ ее, чѣмъ ведутъ, между свѣжими лошадыми. Призы состоятъ изъ весьма различныхъ предметовъ, и въ большинствѣ случаевъ довольно цѣнны. Первый призъ въ двѣ-три тысячи рублей серебромъ—не рѣдкость; богатые семьи выставляютъ иногда до сотни лошадей. Иногда призы являются и молодыя дѣвушки, въ томъ смыслѣ, что выигравшій можетъ взять ихъ за себя замужъ, не уплачивая обычнаго выкупа.

Пока состязавшіяся лошади находятся въ пути, мѣряются силами и люди. Двое изъ присутствующихъ снимаютъ верхнюю одежду, облачаютъ верхнюю часть тѣла до пояса и вступаютъ въ единоборство. Нападеніе совершается различными способами. Противники обхватываютъ другъ друга, пригибаются къ землѣ то въ ту, то въ другую сторону, кружатся на мѣстѣ, стараясь въ то же время отпарировать ложное или дѣйствительное нападеніе противника и, уловивъ удобную минуту, повалить его на землю. Другіе прямо переходятъ въ нападеніе, но встрѣчаютъ такой дѣлательный отпоръ,

что ни одному изъ борцовъ долго не удастся повалить другого на землю. Зрители, между тѣмъ, подзадориваютъ борющихся, выражаютъ одобреніе или порицаніе, осыпаютъ бойцовъ похвалами или насмѣшками, бьются объ закладъ, и приходятъ сами въ тѣмъ сильнѣйшее возбуденіе, чѣмъ болѣе вѣсы склоняются въ ту или другую сторону. Наконецъ, одинъ изъ противниковъ, при общемъ хохотѣ присутствующихъ, униженный, сконфуженный,—вѣроятно, и озлобленный,—падаетъ на землю. Поднимается крикъ, шумъ; слышатся похвалы, упреки, и бой оканчивается, если только побѣжденный, въ приливъ ярости, снова не кинется на своего счастливаго соперника. Безъ крика, шума и брани никогда не оканчиваются подобные бои, хотя до насилія дѣло никогда не доходитъ.

Къ рыцарскимъ упражненіямъ киргизовъ должна быть отнесена и охота. Выслѣженнаго волка киргизъ преслѣдуетъ съ такимъ увлеченіемъ и неутомимостью, что не обращаетъ вниманія ни на вѣтеръ, ни на стужу, отмораживаетъ себѣ лицо и руки, и если только лошади не откажется служить, тяжелая дубинка охотника неминуемо угодитъ въ концѣ концовъ въ голову хищника. Но еще болѣе любить киргизъ травлю волка съ беркутомъ и борзыми. Подобно своимъ предкамъ, онъ умѣетъ приручать и натаскивать эту хищную птицу. Посадивъ беркута къ себѣ на руку, защищенную толстой рукавицей, и опираясь этой рукой на придѣланную къ сѣдлу деревянную стойку, онъ вѣзжаетъ на какую-нибудь возвышенность. Въ это время товарищи его рыскаютъ по степи, чтобы выгнать звѣря. Охотятся съ беркутомъ на волка и на лисицу. Никакой особенной дрессировки не требуется; достаточно только приучить птицу возвращаться на зовъ хозяина, для чего послѣдній беретъ ее со всѣмъ маленькой изъ гнѣзда и кормитъ собственноручно; все остальное является слѣдствіемъ прирожденныхъ способностей беркута. Какъ только товарищи поднимаютъ лисицу, хозяинъ беркута расклубочиваетъ, отзываетъ его и подбрасываетъ на воздухъ. Беркутъ расправляетъ крылья, кружитъ нѣкоторое время на мѣстѣ, потомъ поднимается спиралью все выше и выше; наконецъ, замѣчаетъ выгнанную лисицу, и, съ полусложенными крыльями, падаетъ на нее вкось и впиивается когтями въ тѣло своей жертвы. Животное поворачиваетъ голову, и беркутъ погибъ, если ей удастся схватить его зубами. Но въ ту минуту, когда лисица поворачиваетъ голову, чтобы схватить врага, беркутъ отпускаетъ когти и старается обхватить ими морду животнаго. Звѣря добиваютъ

обыкновенно охотники. Иногда беркуты, при первом же опыті, платится жизнью за свою отвагу; но если удастся первая попытка, хищник вскорѣ приобретает такую ловкость, что его можно уже спустить на волка. Въ этомъ случаѣ, хотя приемы остаются тѣ же, беркутъ дѣйствуетъ гораздо осторожнѣе; уже самая величина волка даетъ ему понять, что онъ имѣетъ дѣло съ гораздо болѣе опаснымъ противникомъ. Но беркутъ и здѣсь скоро осваивается, и слава его растетъ вмѣстѣ со славою хозяина, а наравнѣ со славою, растетъ и цѣна охотничьей птицы. Беркутъ, побывавшій лисицу, цѣнится въ тридцать—сорокъ рублей; идущій же на волка—вдвое или втрое дороже, если только хозяинъ, вообще, согласенъ продать его. Съ двумя беркутами нельзя охотиться, потому что одинъ сталъ бы мѣшать другому; даже одинъ иногда настолько рьяно относится къ дѣлу, что затрудняетъ помощь хозяина или не выпускаетъ добровольно изъ когтей ужъ убитую подъ нимъ жертву.

Если при охотѣ съ беркутомъ требуется большое искусство всадника, то тѣмъ болѣе необходимо оно при охотѣ съ борзыми на антилопу. Какъ стрѣла летятъ киргизскіе густопсовыя собаки, когда завидятъ быстрого животное, а за ними по камнямъ и кустамъ несется всадникъ, пока не настигнетъ преслѣдуемую козочку. Если кто-нибудь при этой погонѣ свалится съ лошади, онъ не вызоветъ ничего, кромѣ полусострадательной, полупрезрительной усмѣшки, и охота, не останавливаясь, прочитается дальше.

При облавахъ въ горахъ, киргизы, точно также, не сходятъ съ лошадей.

На ряду со смѣлостью и неустрашимостью, слѣдуетъ поставить и выносливость киргизскаго охотника. Не только въ сѣдлѣ, но и при выслѣживаніи и подкарауливаніи звѣря, онъ выказываетъ замѣчательную стойкость и терпѣніе. Неудивительно, положимъ, что онъ, при своей страсти къ верховой ѣздѣ, готовъ рыскать цѣлыми днями, отыскивая слѣдъ животнаго; но, онъ готовъ точно также тащиться ползкомъ съ полверсты и болѣе, крадучись, точно кошка, въ бурю и непогоду, пока дѣло дойдетъ до выстрѣла. При этомъ онъ никогда не стрѣляетъ на далекія разстоянія и всегда подпираетъ свое фитильное или кремневое ружье приделанной къ ложу его вилкой; онъ дѣлится онъ вѣрно и мѣтко шлетъ пулю.

Насколько киргизъ неутомимъ въ качествѣ всадника, пастуха и охотника, настолько мало онъ склоненъ къ другимъ занятіямъ. Правда, и онъ воздѣлываетъ поле, но исполняетъ это крайне небрежно и только въ без-

условно необходимыхъ размѣрахъ. Земляныя работы онъ считаетъ унизительными, какъ и всякую другую дѣятельность, не связанную съ разведеніемъ и эксплуатацией скота. Дѣйствительно, онъ отличается замѣчательнымъ искусствомъ соорудить водопроводы для орошенія своихъ полей, и обладаетъ притомъ такимъ прекраснымъ глазомеромъ, что безъ всякой мензулы и ватерпаса проводить необходимыя каналы; но киргизъ занимается этими работами только въ юношескомъ возрастѣ; какъ только онъ дѣлается самостоятельнымъ хозяиномъ, онъ не затрагивается больше ни до кирки, ни до лопаты. Еще менѣе склоненъ киргизъ къ занятію ремеслами. Онъ умѣетъ выдѣлывать кожу и приготавливать изъ нея ремни, сѣдла и т. п., даже украшать ихъ желѣзомъ и серебромъ, умѣетъ дѣлать ножи и клинки и всю необходимую для него утварь, но занимается всѣмъ этимъ крайне неохотно. Тѣмъ не менѣе, его никакъ нельзя назвать лѣнливымъ или нерадивымъ рабочникомъ, напротивъ, онъ очень прилеженъ и надеженъ, и тотъ, кто пользуется имъ какъ рабочею силою, весьма рѣдко имѣетъ причины жаловаться на него.

Гораздо выше физической дѣятельности, цѣнитъ киргизъ умственную. Его живой и подвижной умъ требуетъ постоянной работы; поэтому онъ любитъ всевозможные разговоры, не только легкаго, но и серьезнаго содержанія, можетъ быть, потому, что они вносятъ нѣкоторую перемѣну въ однообразное теченіе его дня и года. Онъ охотно бесѣдуетъ съ единоплеменниками, а чужестранцу, положительно, надобѣдетъ своей словоохотливостью, слишкомъ часто граничащей съ болтливостью. Такая словоохотливость обусловливаетъ, само собою, большую любознательность, которая не менѣе часто переходитъ въ любопытство. Если кто-нибудь разговариваетъ на доступномъ киргизу языкѣ, онъ не поцеремонится подойти къ самой юртѣ и приложить ухо къ стѣнкѣ, чтобы не проронить ни одного слова. Знать про себя о какомъ-либо событіи, хотя на волюсь выходящемъ изъ обыденныхъ рамокъ, услышать рассказъ и умолчать о немъ, сохранить тайну—для киргиза вещь невозможная. Развѣ молчитъ благородный конь, когда замѣтитъ въ степи что-либо достойное его вниманія; развѣ молчитъ коза, овца, когда встрѣтитъ себя подобную; развѣ молчитъ жаворонокъ, поднимаясь надъ зеленой степью? А онъ, хозяинъ степи, станетъ молчать? Да никогда!.. «Говори, красный языкъ, говори, пока ты живъ; послѣ смерти ты будешь нѣмъ». Два киргиза не могутъ ѣхать вмѣстѣ молча, хотя бы путешествіе ихъ длилось цѣлыми днями; они вѣчно болтаютъ о чемъ-то, вѣчно

имѣютъ что-то сообщить другъ другу. Обыкновенно, киргизы рѣдко ѣздятъ парами, но всегда по три, четыре человѣка въ рядъ. Этотъ способъ передвиженія такъ глубоко вкоренился въ обычаи киргизовъ, что лошади ихъ сами жмутся одна къ другой, и европеецъ долженъ держать ихъ въ поводу, чтобы заставить идти поодинокѣ. Въ юртѣ, въ которой собралось нѣсколько киргизовъ, стоитъ гуль, какъ отъ пчелинаго роя, — всѣ говорятъ сразу, и каждый старается быть услышаннымъ.

Вслѣдствіе такой неслыханной словоохотливости киргизъ отлично умѣетъ владѣть своимъ языкомъ. Свойство это присуще одинаково всѣмъ, бѣднымъ и богатымъ, знатымъ и незнамымъ, образованнымъ и необразованнымъ. Киргизскій языкъ, составляющій, какъ извѣстно, лишь нарѣчіе татарскаго, звученъ, хотя нѣсколько рѣзко, и необычайно выразителенъ. Каждое слово — и это чувствуется даже незнакомымъ съ языкомъ — произносится отчетливо, съ точными удареніями, такъ сказать, отчеканивается, такъ что по звуку голоса можно почти понять, о чемъ идетъ рѣчь. Манера говорить очень живая, кадансированіе каждой фразы соответствуетъ ея смыслу, рѣчь и паузы строго соразмѣрены и потому разговоръ выходитъ нѣсколько рубленымъ, хотя потокъ рѣчи въ сущности почти не прерывается. Выраженіе лица и оживленная жестикуляція дѣлаютъ слова еще болѣе понятными. Если рѣчь идетъ объ особенно интересномъ предметѣ, говорящіе до такой степени горячатся, что невольно бошшсь, какъ бы они отъ слова не перешли къ дѣйствию; однако каждый споръ, какъ бы ни былъ онъ горячъ, оканчивается весьма миролюбиво.

Понятно, что при такихъ свойствахъ народа, званіе барда получаетъ у него большое значеніе и пользуется большимъ почетомъ и уваженіемъ. Ни одно празднество не обходится безъ пѣвца и импровизатора. Для этого не требуется особаго поэтическаго творчества. Достаточно, чтобы рѣчь пѣвца лилася плавно и складывалась въ извѣстный стихотворный размѣръ. Впрочемъ, киргизскому барду не чужды и нѣкоторые поэтические образы, которые онъ безъ труда облакаетъ въ слова. Пастушеская и кочевая жизнь, несмотря на свое однообразіе въ общемъ, во всякомъ случаѣ, имѣетъ свою поэзію, свои звучащія струны, до которыхъ стоитъ только коснуться, чтобы найти отзвукъ въ сердцахъ слушателей; къ тому же множество ходячихъ сказокъ и преданій даютъ всегда готовый матеріалъ для заполнения пробѣла въ мысляхъ, и потому рѣчь барда течетъ подобно плавному, никогда не

изсякающему ручью. Достаточно сообщить ей извѣстный размѣръ, чтобы прослыть поэтомъ. А между тѣмъ, и это не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда; дѣло въ томъ, что каждый импровизаторъ аккомпанируетъ себя на трехструнной цитрѣ и послѣ каждой строфы наигрываетъ маленькое интермеццо, которое можетъ продлить до тѣхъ поръ, пока слѣдующая строфа не уляжется въ его головѣ въ желаемую форму. Чѣмъ быстрее и искуснѣе это дѣлается, тѣмъ болѣе растетъ слава пѣвца. Когда же поэтический даръ является у женщины, она можетъ рассчитывать на всеобщее поклоненіе; а если она удостоится принять участіе въ состязаніи съ мужчиной — бардомъ, назлектризованная толпа готова вознести ее надъ всѣми представительницами ея пола.

Гораздо менѣе, чѣмъ стихотворное искусство, процвѣтаетъ въ степи грамотность. Только сыновья знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ киргизовъ учатся читать и писать. Я знаю только одного киргиза, — и то хана, который понималъ по-арабски; всѣ остальные, встрѣчавшіеся мнѣ вѣрные послѣдователи ислама, регулярно повторявшіе пять предписанныхъ закономъ молитвъ, понимали развѣ только призывъ къ молитвѣ и первую сурѣ корана; все остальное они произносили, хотя и со свойственнымъ магометанамъ благоговѣніемъ, но безъ всякаго пониманія. Тѣмъ не менѣе я не могъ поборотъ глубокаго, захватывающаго душу волненія, когда среди необозримой степи, въ которой не возвышается ни одинъ минаретъ, раздался голосъ муэдзина, призывавшій къ молитвѣ, и правотѣрные длинными рядами преклонили колѣна позади своего имама, по закону пророка касаясь челомъ до земли...

Сознаніе своей силы, ловкости, искусства въ верховой ѣздѣ и въ охотѣ, сознаніе своего поэтическаго дара и воспримчиваго ума, чувство самостоятельности и свободы, развитое степью, придаетъ киргизу увѣренную, полную достоинства осанку. Поэтому впечатлѣніе, производимое кочевникомъ на безпристрастнаго наблюдателя, въ высшей степени благоприятно и еще болѣе увеличивается по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ обитателемъ степей. Таково мое мнѣніе, таково мнѣніе всѣхъ русскихъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ киргизами, таково мнѣніе всѣхъ путешественниковъ, которымъ приходилось жить среди киргизовъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что киргизъ имѣетъ весьма много хорошихъ и весьма мало дурныхъ сторонъ. Воспримчивый, умный, живой, разсудительный, — пока дѣло идетъ о знакомыхъ ему предметахъ, добродушный, уступчивый, всегда готовый помочь,

въжливый и предупредительный, гостепріимный и великодушный, онъ является въ своемъ родѣ превосходнымъ человѣкомъ, тѣневия стороны котораго тѣмъ легче извиняются, чѣмъ проще и безпристрастнѣ къ нему относиться. Киргизъ въжливъ, безъ подобострастія, обращается съ стоящимъ выше его съ уваженіемъ, но безъ холопства, съ подчиненнымъ—привѣтливо, но не пренебрежительно. На заданный вопросъ отвѣчаетъ, немного подумавъ, но ясно и толково, и его твердый образъ рѣчи придаетъ отвѣту особое значеніе и опредѣленность. Онъ любезенъ и предупредителенъ со всѣми, но дѣлаетъ это скорѣе изъ честолюбія и тщеславія, чѣмъ въ расчетъ на заработокъ; скорѣе въ надеждѣ заслужить похвалу и одобреніе, чѣмъ денежную подачку. Старшина Тамаръ-бей-Метиковъ, который почти въ теченіе цѣлаго мѣсяца ставилъ намъ почетный конвой, былъ услужливѣйшій, въжливѣйшій, предупредительнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, всегда готовый исполнить всякое наше желаніе, положительно неутомимый въ стараніяхъ угодить намъ, и все это единственно въ надеждѣ заслужить удовольствіе и одобреніе наше и генераль-губернатора. Это онъ ясно высказалъ намъ, когда мы пытались отблагодарить его подарками за его услуги.

Изъ того же честолюбиваго, тщеславнаго чувства, знатный киргизъ гордится своимъ родомъ, кичится своими предками,—ведетъ свою генеалогію нерѣдко отъ Чингисхана,—женится только на равной себѣ и не терпитъ ни малѣйшаго пятна на своей репутаціи, не прощаетъ ни малѣйшей обиды. Изъ того же тщеславія вытекаетъ и суетность киргиза, которой, казалось бы, трудно и ожидать отъ него. Не только почетъ, богатство и знатное происхожденіе, но молодость и красота имѣютъ огромную цѣну въ его глазахъ. Тѣмъ не менѣе онъ никогда не доходитъ до фатовства, какъ занятые своею наружностью молодые люди другихъ народовъ. Онъ открыто и безъ лицемерія хвалится данными ему судьбою и природою преимуществами; и такая похвальба выходитъ у него вполне естественной, не искаженной ложною и показною скромностью. Насколько позволяютъ его средства, онъ одѣвается богато, украшаетъ свой кафтанъ и шаровары позументами, баранью шапку—филиновымъ перомъ; но никогда не доходитъ въ этомъ отношеніи до пошлости. Само собою разумѣется, что женщины еще болѣе, чѣмъ мужчины, стараются выставить въ выгодномъ свѣтѣ свои достоинства; поэтому у нисколько не удивился, когда узналъ, что онъ для приданія своему цвѣту лица болѣе красоты и нѣжности, натираютъ себѣ щеки сокомъ какого-

то корня, т. е., попросту говоря, — румянятся.

Благодаря желанію нравиться и производить выгодное впечатлѣніе, киргизъ охотно подчиняется правамъ и обычаямъ своего народа. Онъ ничѣмъ не можетъ такъ доказать свою воспитанность и образованность, какъ соблюденіемъ всѣхъ обычаевъ, сложившихся съ незапамятныхъ временъ и утвердившихся подъ вліяніемъ ислама. Отсюда является формальность и церемонность взаимныхъ отношеній, но зато нѣтъ мѣста ни заносчивости, непристойности и даже недовольства на общественныхъ собраніяхъ; каждый знаетъ, какъ онъ долженъ себя вести, чтобы не сдѣлать чего-нибудь неумѣстнаго и не показаться смѣшнымъ.

Уже взаимное привѣтствіе совершается у киргизовъ по установленному, строго опредѣленному образцу. Если встрѣчаются двѣ компаніи киргизовъ, требуется довольно много времени, пока каждый поздоровается со всѣми остальными. Здравующіеся прикладываютъ одновременно правую руку къ сердцу, а лѣвую къ правой рукѣ другого; потомъ оба отнимаютъ правую руку и прикладываютъ ее къ лѣвой, такъ что есть моментъ, когда всѣ четыре руки касаются одна другой. Во время такого рукопожатія каждый произноситъ арабское слово «аманъ», что означаетъ «миръ», но, еще до того, обмѣниваются привѣтствіемъ всѣхъ магометанъ: «Селямъ алейкъ» или «селямъ азейкикъ» (да будетъ благословеніе надъ тобой или надъ вами), на что другой отвѣчаетъ: «Алейкикъ аль селямъ». Такимъ привѣтствіемъ долженъ обмѣняться каждый со всѣми остальными; поэтому встрѣтившіеся компаніи образуютъ два ряда, и каждый долженъ обойти такой рядъ, торопясь, конечно, поскорѣе покончить съ этимъ, чтобы дать волю своему «красному языку». Другой способъ, болѣе краткій и употребляемый лишь при многочисленныхъ собраніяхъ, состоитъ въ томъ, что здравующіеся протягиваютъ другъ другу руки и ударяютъ по нимъ.

Когда киргизы посѣщаютъ другъ друга въ кочевья, соблюдается еще болѣе формальностей. Въ виду кочевья прибывшіе уже сдерживаютъ лошадей, ѣдутъ шагомъ и, наконецъ, останавливаются; хозяева же выходятъ навстрѣчу гостямъ, привѣтствуютъ ихъ и ведутъ къ юртамъ, которыя женщины между тѣмъ убираютъ цѣнными коврами. Чужіе, незнакомые въ кочевья гости, подвергаются передъ привѣтствіемъ опросу, относительно имени, званія и происхожденія; но принимаютъ и угощаютъ, во всякомъ случаѣ, каждого, безъ различія званія и вѣроисповѣданія, хотя предпочитаютъ знатныхъ посѣтелей. Гость

входить съ обычнымъ привѣтствіемъ въ юрту, снимаетъ у дверей башмаки, остается въ мягкихъ высокихъ сапогахъ и садится на почетное мѣсто, если онъ равный хозяину; въ противномъ случаѣ, онъ опускается противъ хозяина на коверъ, подогнувъ подъ себя колѣни.

Въ честь уважаемаго гостя хозяинъ приказываетъ зарѣзать барана, котораго предварительно приносятъ въ юрту, чтобы гость благословилъ его. Это служитъ сигналомъ, по которому стекаются въ юрту всѣ сосѣди, чтобы принять участіе въ лакомомъ угощеніи. Голову и грудинку барана жарятъ на вертелѣ, нарѣзанное кусками мясо варятъ въ котелкѣ, а крестецъ, ребра, переднія и заднія лопатки, хорошо разваренныя, подносятъ въ мискѣ гостю. Онъ моетъ руки, срѣзаетъ мясо съ костей, опускаетъ его въ сильно посоленную подливку и говоритъ хозяину, который все еще остается на ногахъ: «Одинъ только хозяинъ можетъ придать вкусъ мясу; присядьте»; на что тотъ отвѣчаетъ: «Спасибо, спасибо; кушайте на здоровье», но все-таки продолжаетъ стоять. Тогда гость отрѣзаетъ кусочекъ отъ реберъ, снова подзываетъ хозяина и суетъ ему этотъ кусочекъ въ ротъ; потомъ отрѣзаетъ другой кусокъ, кладетъ его въ миску и подаетъ хозяинкѣ, послѣ чего хозяинъ, наконецъ, садится рядомъ съ гостемъ, но угощаетъ присутствующихъ все-таки не онъ, а гость. Послѣдній нарѣзываетъ мясо небольшими кусочками, обмакиваетъ по три кусочка сразу въ подливку и суетъ ихъ въ ротъ всѣмъ остальнымъ гостямъ. Не проглотить сразу этихъ кусочковъ, значило бы обидѣть раздающаго; и потому гости глотаютъ, давятся, лица синѣютъ, глаза наливаются кровью, и требуется обязательная помощь сосѣда, который въ видѣ облегченія колотитъ угожаемаго по спинѣ кулакомъ. Раздающій не долженъ ни въ какомъ случаѣ давать болѣе трехъ кусочковъ сразу; если, напр., онъ подастъ пять кусочковъ и угожаемый подавится, онъ долженъ выплатить семь потерпѣвшаго сотню лошадей, тогда какъ если человекъ задохнется отъ трехъ кусочковъ, онъ не отвѣчаетъ ничѣмъ. Когда мясо съѣдено, угощающій передаетъ круговую миску съ подливкой, и каждый пьетъ изъ нея по желанію. Въ заключеніе трапезы всѣ присутствующіе моютъ руки, и зажиточный хозяинъ непременно подаетъ кумысъ—если имѣются еще дойныя кобылицы—относясь съ величайшимъ благоговѣніемъ къ этому любимѣйшему напитку киргизовъ. Даже кто не принималъ участія въ угощеніи, является теперь въ юрту, чтобы насладиться этимъ божественнымъ питьемъ. Пьютъ до опьянѣнія, ибо

киргизъ такъ же мало умѣренъ въ питьѣ кумыса, какъ и въ пищѣ.

Обычаи, сопровождающіе какія-либо особыя семейныя событія, какъ напр. свадьба, похороны и т. п., еще сложнее. Первая дають поводъ къ веселымъ играмъ и забавамъ, вторыя—къ проявленіямъ скорби и уваженія къ памяти умершаго. Сватовство, свадьба, похороны и поминки сопровождаются всегда цѣлымъ рядомъ празднествъ.

Какъ у всѣхъ магометанъ, отецъ дѣлаетъ предложеніе за своего сына, и, какъ у всѣхъ послѣдователей ислама, онъ вноситъ будущему своему калымъ или выкупъ за невесту. Сначала въ юрту, гдѣ есть подрастающая дочь, является свать,—отличительнымъ признакомъ котораго служить то, что одна шаровара у него въ сапогѣ, другая выпущена,—и передаетъ предложеніе отъ имени отца жениха. Если отецъ невесты согласенъ, онъ выражаетъ желаніе видѣть настоящихъ сватовъ, т. е. самого отца невесты, старшинъ и знатнѣйшихъ лицъ его кочевья. Они, обыкновенно, не заставляютъ себя ждать. Навстрѣчу имъ выѣзжаетъ посланный отъ отца невесты, привѣтствуетъ ихъ по всѣмъ правиламъ гостепріимства и провожаетъ въ отведенную для нихъ парадную юрту, гдѣ имъ тотчасъ же подаютъ кумысъ. Для увеселенія дорогихъ гостей является бардъ. Гости осыпаютъ его похвалами и самыми громкими обшаніями. Хвалятъ глубину его мысли, хвалятъ совершенство его пѣнія. Ему обшанютъ лошадь, ямбу или четыре фунта серебра въ слиткахъ и т. д. Хозяинъ отклоняетъ всѣ эти дары, говоря, что ему одному принадлежитъ право вознаграждать пѣвца; но гости становятся тѣмъ щедрѣе, хорошо зная, что хозяинъ не допуститъ ихъ выполнить своихъ обшаній. По окончаніи пѣнія, начинается оживленная бесѣда между хозяиномъ и его гостями; говорятъ обо всемъ по-немножку, но только не о дѣйствительной цѣлѣ пріѣзда; наконецъ, всѣ поднимаются и уѣзжаютъ домой.

На слѣдующее утро отецъ невесты, въ сопровожденіи своей свиты, отдаетъ визитъ будущему сваяку. Его принимаютъ и угощаютъ такъ же торжественно и, наконецъ, онъ выражаетъ желаніе повидать мать жениха. Всѣ отправляются къ ней въ юрту и привѣтствуютъ хозяйку съ величайшей вѣжливостью и торжественностью. Отецъ невесты приноситъ въ юрту жареную баранью грудинку, рѣжетъ ее на кусочки, сопровождая это почетное занятіе словами: «Пусть эта грудинка будетъ залогомъ того, что наше дѣло придетъ къ добромъ концу», раздастъ куски гостямъ и тѣмъ подаетъ сигналъ къ началу переговоровъ о калымѣ. Единицей

цѣнности служить молодая кобыла, отъ трехъ- до пятилѣтнаго возраста; иноходецъ или верблюдъ стоитъ пяти такихъ кобылъ; шесть или семь барановъ равняются по цѣнности одной кобылѣ.

Отецъ невесты запрашиваетъ по первому слову 77 кобылъ, но не прочь и поторговаться, и, смотря по состоянію свояка, соглашается взять сначала 57, потомъ 47, 37, 27 кобылъ и даже менѣе, если оба не имѣютъ средствъ. Какъ только придутъ къ соглашенію, отецъ невесты объявляетъ сватовство состоявшимся и уѣзжаетъ обратно, оставивъ въ юртѣ или передъ юртой какой-нибудь подарокъ. Отецъ жениха, съ своей стороны, посылаетъ ему вслѣдъ половину калыма и старается въ возможно скоромъ времени уплатить и остальную часть.

Черезъ двѣ недѣли по уплатѣ калыма, женихъ получаетъ право въ первый разъ посѣтить свою невесту. Въ сопровожденіи многочисленной свиты товарищей и сверстниковъ и подъ предводительствомъ уважаемаго, пожилого друга семьи, онъ ѣдетъ къ кочевью своей невесты, слѣзаетъ въ нѣкоторомъ разстояніи съ лошади, разбиваетъ небольшою шатеръ и укрывается въ немъ или прячется какъ-нибудь иначе. Спутники его ѣдутъ дальше. Торжественно привѣтствуемые, въѣзжаютъ они въ аулъ, и съ веселыми шутками и прибаутками раздаютъ собравшимся вокругъ нихъ женщинамъ и дѣтямъ всевозможные мелкіе подарки: кольца, шейные платки, лакомства, ленты, куски пестрой ткани и т. п. Затѣмъ молодые люди, парни и дѣвушки, собираются въ парадной юртѣ, куда хозяинъ подаетъ имъ угощеніе и кумысъ. Прежде всего подается баранья грудка. Хозяинъ ставитъ кушанье передъ почетнымъ пожилымъ гостемъ, который и приступаетъ къ раздачѣ мяса, но при этомъ обмазываетъ лицо одному изъ парней жирной подливой. Это служитъ сигналомъ къ началу забавъ, въ которыхъ принимаетъ участіе вся молодежь. Одна изъ любимыхъ шутокъ молодыхъ дѣвушекъ состоитъ въ томъ, чтобы незамѣтнымъ образомъ пришить платье парней къ коврѣ, на которыхъ они сидятъ.

Послѣ угощенія, молодежи даютъ короткій отдыхъ для приготовленія къ дальнѣйшимъ играмъ. Затѣмъ женщины и дѣвушки приглашаютъ парней къ состязанію въ пѣніи, сажая ихъ на почетныя мѣста, а сами садятся противъ нихъ, и одна изъ женщинъ начинаетъ пѣть, импровизируя и обращаясь къ которому-нибудь изъ парней. Если парень не отличается находчивостью, ему приходится плохо. Молодежь бросается на него, щиплетъ, щекочетъ его и выгоняетъ изъ

юрты, гдѣ парни изъ кочевья невесты уже ждутъ свою жертву. На него выливаютъ ведро воды, поспѣ чего, измокшій и сконфуженный, онъ возвращается въ юрту, гдѣ снова принимаетъ участіе въ состязаніи; если и теперь онъ не окажется находчивѣе, его одѣваютъ въ женское платье и выставляютъ къ позорному столбу. И горе ему, если онъ позволить себѣ выразить неудовольствіе или обидчивость: ему придется испить горькую чашу. Сегодня—день шутокъ и веселья, и потому умѣющій развеселить общество становится героемъ дня, а тотъ, кто не хочетъ или не умѣетъ подчиниться общему веселью, дѣлается козлищемъ отпущенія.

Во время этихъ забавъ невеста сидитъ въ задней части юрты, скрытая пологомъ. Молодые люди кочевья, пользуясь тѣмъ, что товарищи жениха заняты играми, выкрадываютъ невесту изъ юрты, помогая ей выйти черезъ отверстіе между войлоками, сажаятъ ее на лошадь и отвозятъ въ юрту одного изъ родственниковъ, гдѣ уже ожидаютъ невесту нѣсколько пожилыхъ женщинъ. Если похищеніе свершилось удачно, похитители предлагаютъ товарищамъ жениха искать невесту и выручить изъ плѣна. Мигомъ все общество бросается къ юртѣ, гдѣ скрыта невеста, и упрощаетъ женщинъ освободить плѣнницу; но какъ ни краснорѣчивы просьбы парней, стерегущія невесту женщины остаются неумолимы. Войлоки въ одной части юрты отвернуты; невеста сидитъ на глазахъ у всѣхъ; но взять ее силою нельзя; приходится вступить въ переговоры. Женщины требуютъ въ видъ выкупа девять различныхъ кушаній, приготовленныхъ самими парнями, но потомъ соглашаются принять вмѣсто кушаній подарки и выдаютъ невесту съ тѣмъ условіемъ, чтобы ее отвезли обратно въ отцовскую юрту.

Между тѣмъ женихъ продолжаетъ сидѣть въ своемъ шатрѣ. Положимъ, онъ не одинъ, такъ какъ нѣсколько молодыхъ женщинъ, тотчасъ при появленіи его товарищей, отравились искать его и, найдя безъ особаго труда, были привѣтствованы имъ низкимъ поклономъ, называемымъ «ташымъ». Женихъ долженъ поклониться такъ низко, чтобы пальцами рукъ коснулись земли, и потомъ медленно выпрямиться, скользя руками по швамъ. Женщины милостиво принимаютъ его поклонъ, угощаютъ его, занимаютъ шуточными разговорами, но не позволяютъ уйти изъ шатра. Только послѣ долгихъ просьбъ и не раньше, какъ по заходѣ солнца, ему можетъ быть разрѣшено явиться въ кочевье и спѣть пѣсню передъ юртой невесты.

Онъ садится на лошадь, въѣзжаетъ въ кочевье, привѣтствуетъ его жителей пѣніемъ и, обращаясь къ юртѣ своей избранницы, высказываетъ свою любовь и тоску въ пѣснѣ, иногда сочиненной имъ самимъ, иногда заимствованной:

«Ты, дѣва, несешь мнѣ страданье и муку,
Ужъ трижды я тщетно являлся къ тебѣ,
Но ты не проснулась, твой сонъ былъ такъ
крѣпокъ,

И ты не услышала пѣсню мою.
Зато, когда къ ночи, рядами, верблюдовъ
Привяжутъ плетеной уздой,
Тогда утолитса души моей жажда
Я вновь появлюсь предъ тобой,
Взгляну тебѣ въ очи, и снова вернется,
Надежда и радость ко мнѣ,
И вмѣстѣ съ желаньемъ проснется и бодрость
Въ истерзанномъ сердцѣ моемъ.
Напитаясь спрошу, утолитъ свою жажду,
И, сжались, ты принесешь мнѣ кумысъ,
Посмотришь въ глаза мнѣ ты ласковымъ
взглядомъ

Излѣчишь страданья мои...
Но пѣснь моя если тебѣ непріятна,
Противны исканья мои,
Вернусь я домой, со своими друзьями,
Они мнѣ помогутъ сосватать тебя.

Не входя въ юрту невесты, женихъ снова удаляется въ свой шатеръ. Здѣсь къ нему приходитъ одна изъ старухъ и общается съ невестой, если онъ подарить ей что-нибудь. Женихъ щедро одариваетъ свою покровительницу, и оба пускаются въ путь. Но не безъ труда достигаютъ они желанной цѣли. Другая женщина кладетъ поперекъ дороги вилы, которыми поднимаютъ верхнее кольцо юрты. Переступить чрезъ такую преграду было бы дурнымъ предзнаменованіемъ: тотъ, кто положилъ вилы, долженъ и снять ихъ. Препятствіе легко устраняется при помощи подарка, но въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ является новая преграда: мертвая женщина лежитъ поперекъ дороги; однако, новый подарокъ возвращаетъ ее къ жизни и очищаетъ путь; но у крайней юрты стоитъ какая-то фигура, которая ворчитъ по-собачьи. Допустить, чтобы собаки въ кочевьи невесты ворчали на жениха? Никогда! Третій подарокъ прекращаетъ ворчанье, и многострадаальный юноша безъ дальнѣйшихъ приключеній достигаетъ, наконецъ, юрты своей невесты. Однако, испытанія еще не окончены: двѣ женщины сторожатъ у входа въ юрту; ихъ надо устранить при помощи подарка. Внутри юрты двѣ другія сторожатъ опущенный полотъ; на постели лежитъ младшая сестра невесты; онъ откупается отъ всѣхъ.

Юрта пустѣетъ; старуха соединяетъ руки молодыхъ людей и также удаляется. И наконецъ-то, наконецъ женихъ и невеста остаются вдвоемъ и одни.

При помощи той же благодѣтельной старухи, женихъ нѣсколько разъ посѣщаетъ невесту, не показываясь еще ей родителямъ до тѣхъ поръ, пока не выплатитъ остальной части калыма. Тогда онъ снова посылаетъ сватовъ къ отцу невесты, чтобы узнать, можетъ-ли онъ увезти ее въ свою юрту, и отвѣтъ получается, конечно, утвердительный. И на этотъ разъ женихъ прѣзжаетъ съ большой свитой и многочисленными подарками, снова разбиваетъ шатеръ, гдѣ, какъ и въ первый разъ, его навѣщаютъ молодыя женщины, проводятъ ночь одинъ въ шатрѣ, и на слѣдующее утро посылаетъ всѣ, необходимыя для постройки юрты, деревянные части. Вслѣдъ затѣмъ обитательницы кочевья наскоро шиваютъ приготовленные невестою войлоки и приступаютъ къ постановкѣ новой юрты. На долю любимѣйшей женщины въ кочевьи выпадаетъ честь поднять верхнее кольцо, между тѣмъ какъ остальные разставляютъ жерди и покрываютъ ихъ войлокомъ. Во время постановки юрты является и женихъ; приводятъ также и невесту и предлагаютъ обоимъ сойтись къ юртѣ съ разныхъ сторонъ; тому, кто придетъ первымъ, будетъ принадлежать господство въ новой юртѣ.

Покончивъ съ этимъ, зарѣзываютъ одного изъ привезенныхъ женихомъ барановъ и съѣдаютъ его уже въ новой юртѣ. Во время угощенія молодой хозяйинъ заворачиваетъ кость отъ лопатки въ кусокъ бѣлой ткани и бросаетъ ее, не глядя, въ верхнее отверстіе юрты. Если кость вылетитъ черезъ кольцо наружу, это будетъ служить признакомъ, что дымъ этой юрты будетъ восходить прямо къ небу, что означаетъ счастье и благополучіе для молодой четы.

Послѣ этого гости отправляются въ гости къ отцу невесты, гдѣ ихъ ожидаетъ новое угощеніе. Оставшихся же въ новой юртѣ молодыхъ людей угощаетъ мать невесты, и угощеніе должно быть на славу, если она не хочетъ, чтобы молодежь разобрала юрту надъ головами гостей и не разнесла легкіхъ составныхъ частей ея. Даже радужное угощеніе не всегда спасаетъ хозяйку отъ шалостей развеселившейся молодежи: одинъ выхватываетъ у нея миску съ мясомъ и скачетъ съ нею въ степь, другіе стараются отнять ее у него, и игра продолжается до тѣхъ поръ, пока гости не вспомнятъ, что кушанье простынетъ, и не вернуться назадъ.

На слѣдующее утро отецъ невесты является впервые желаніе видѣть жениха:

приглашает его въ свою юрту, горячо приветствует его, хвалит его наружность и достоинства, желаетъ ему счастья въ брачной жизни и, въ концѣ концовъ, передаетъ ему всевозможные подарки, составляющие какъ бы приданое невесты. Это происходитъ въ присутствіи всѣхъ гостей, которые еще до прихода жениха собираются въ юрту. Послѣ всѣхъ появляется и богато-разодѣтая невеста.

Если въ кочевьи случится мулла, онъ благословляетъ молодую чету.

Тогда снова поютъ невестѣ прощальную пѣсню «джоръ-джаръ», и она отвѣчаетъ на каждый куплетъ слезами и прощальными словами.

Наконецъ, пѣніе умолкаетъ, приводятъ верблюдовъ и лошадей, чтобы отвезти въ кочевье жениха новую юрту и свадебные подарки, а также невесту и ея мать. Молодой ѣдетъ впереди свадебнаго поѣзда и вмѣстѣ съ товарищами подгоняетъ верблюдовъ, чтобы до прибытія невесты успѣть поставить юрту. Между тѣмъ невеста, заливаясь слезами, прощается съ отцомъ, родственниками, подругами, родной юртой и скотомъ; потомъ, закрытая густымъ покрываломъ, садится на лошадь и, окруженная всадниками, которые держатъ надъ ней пологъ, ѣдетъ въ кочевье своего мужа. Свекоръ, успѣвшій пока осмотрѣть подарки и одобрить или неодобрить ихъ, вскорѣ по прибытіи молодой, зоветъ ее къ себѣ въ юрту, куда она входитъ, трижды кланяясь въ поясъ, въ знакъ того, что будетъ для нихъ такой же покорной невесткой, какъ и женой своему мужу. Во время этой церемоніи лицо ея остается покрытымъ, какъ и всегда, передъ отцомъ и братомъ мужа и, въ продолженіе перваго года, передъ всѣми посторонними мужчинами; по истеченіи же этого срока она закрывается только передъ старшимъ братомъ мужа, и именно ради того, чтобы не возбуждать преждевременно въ его сердцѣ запретнаго чувства, такъ какъ, въ случаѣ смерти мужа, она должна будетъ сдѣлаться его женою.

При вторичной женитьбѣ, киргизъ сватается самъ, безъ всякихъ особыхъ формальностей. Если онъ беретъ вторую жену при жизни первой и, за неимѣніемъ средствъ, поселяетъ ихъ въ одной юртѣ, то второй женѣ приходится играть самую жалкую роль: первая жена сохраняетъ всѣ свои права, предоставляя второй только уголокъ въ юртѣ, и даже вмѣшивается въ отношенія къ ней мужа. Жена пользуется у киргизовъ большимъ уваженіемъ. «Мы цѣнимъ нашу жену, какъ иноходца, говорилъ мнѣ мой пріятель, киргизъ Альти-бей, — обомъ нѣтъ цѣны».

Мужья рѣдко разводятся съ женами, а жены еще рѣже убѣгаютъ отъ мужей. Однако, и въ степи любовь нерѣдко разрушаетъ преграды, создаемыя происхожденіемъ и обычаями. Похищеніе также составляетъ довольно обычное явленіе и не считается предосудительнымъ ни для той, ни для другой стороны. Выкрасть дѣвушку, отецъ которой ставить слишкомъ высокія требованія, считается въ глазахъ многихъ чуть-ли не подвигомъ.

Новорожденного киргизскаго ребенка, тотчасъ послѣ появленія его на свѣтъ, и затѣмъ въ продолженіе сорока дней, моютъ въ очень соленой водѣ; по прошествіи же этого срока, его не моютъ вовсе. Новорожденного кладутъ въ колыбель, устланную мягкой верблюжьей шерстью, которая предохраняетъ его отъ стужи даже зимою; впоследствии на него надѣваютъ шерстяную рубашонку, которую мать черезъ каждые три дня вытряхиваетъ надъ огнемъ, чтобы удалить изъ нея паразитовъ, которыми изобилуетъ каждая киргизская юрта; рубашка эта не мѣняется до тѣхъ поръ, пока сама не свалится съ плечъ. Зимою къ рубашкѣ добавляются чулки, а какъ только ребенокъ начинаетъ бѣгать, его одѣваютъ, какъ взрослого.

Родители необычайно любятъ своихъ дѣтей, обращаются съ ними чрезвычайно нѣжно и никогда не бьютъ ихъ, не находятъ забаву въ томъ, что учатъ ихъ, едва умѣющихъ говорить, всякимъ браннымъ и непростойнымъ словамъ, которыя, будучи произнесены безсознательно дѣтскими устами, неизмѣнно вызываютъ общій хохотъ и удовольствіе. Возрастъ ребенка обозначается названіемъ какого-нибудь животнаго: мыши, сурка, барана, лошади. Когда мальчику минетъ четыре года, его сажаютъ въ первый разъ на лошадь, приблизительно того же возраста, богато украшенную и осѣдланную дѣтскимъ сѣдломъ, которое переходитъ въ семьѣ изъ рода въ родъ. Счастливые родители сулятъ всякія блага своему мальчику, поручаютъ его слугѣ или услужливому пріятелю, который и водить лошадь отъ одной юрты къ другой, чтобы сообщить роднымъ и знакомымъ о радостномъ событіи. Мальчика вездѣ дружески приветствуютъ, осыпаютъ похвалами, лакомствами, и знаменательный день этотъ завершается пиромъ въ юртѣ его отца.

На седьмомъ году начинается обученіе ребенка всему, что онъ долженъ знать въ жизни. Мальчикъ, успѣвшій за это время сдѣлаться искуснымъ наѣздинкомъ, приучается къ обращенію со скотомъ; дѣвочка учится доить скотъ и исполнять другія до-

машиня работы. Сынъ богатыхъ родителей поступаетъ въ обученіе къ муллѣ или къ кому-нибудь иному, умѣющему читать и писать, и наставляется въ правилахъ религіи. По достиженіи имъ двѣнадцатилѣтняго возраста, ученіе его приходитъ къ концу, и онъ пользуется правами взрослого.

Киргизъ глубоко чтитъ память своихъ умершихъ, и каждая семья готова на величайшія жертвы, чтобы устроить умершему пышныя похороны и поминки; каждый, даже бѣднѣйшій, киргизъ старается по возможности украсить могилу близкихъ, и счелъ бы за позоръ не оказать умершему должныхъ почестей. Такое почитаніе умершихъ свойственно всѣмъ магометанамъ, но употребляемые при смерти и погребеніи киргиза обряды существенно разнятся отъ обрядовъ другихъ магометанъ, и поэтому заслуживаютъ болѣе подробнаго описанія.

Когда киргизъ чувствуетъ приближеніе смертнаго часа, онъ собираетъ вокругъ себя своихъ друзей, которые должны позаботиться о томъ, чтобы душа его попала въ рай. Благочестивые киргизы задолго до наступленія смерти заставляютъ читать себя мѣста изъ Корана, хотя смыслъ ихъ остается для нихъ непонятенъ. По обычаю всѣхъ правовѣрныхъ, друзья собираются вокругъ одра умирающаго и повторяютъ ему первый стихъ своего символа вѣры: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога», и повторяютъ до тѣхъ поръ, пока умирающій не отвѣтитъ вторымъ стихомъ: «и Магометъ Его пророкъ». Какъ только отвѣтъ будетъ произнесенъ, Мункиръ, или испытующій ангелъ, открываетъ двери райа, и потому всѣ, слышавшіе отвѣтъ умирающаго, восклицаютъ, по-своему: — «Слава Тебѣ, Господи!»

Не успѣвъ хозяинъ юрты испустить послѣдній вздохъ, какъ уже летятъ посланные во всѣ концы, чтобы оповѣстить родныхъ и знакомыхъ о печальномъ событіи, и посланные эти ѣдутъ, смотря по богатству и положенію умершаго, верстъ за двадцать, за сто, отъ кочевья къ кочевью, откуда ближайшій родственникъ сообщаетъ дальше. Пока посланные разносятъ скорбную вѣсть, тѣло омывають и завертываютъ въ «лойлахъ», который каждый киргизъ приготавливаетъ самъ себя при жизни и сохраняетъ вмѣстѣ съ другими своими сокровищами. По исполненіи этого обряда, тѣло выносятся изъ юрты и кладутъ его на полуразвернутую юртовую рѣшотку. Мулла читаетъ молитвы; потомъ тѣло поднимаютъ, вмѣстѣ съ рѣшоткой, на верблюда, укрѣпляютъ рѣшотку на выючномъ сѣдлѣ и трогаются въ путь въ сопровожденіи успѣвшихъ собраться родственниковъ, стараясь своевременно

достигнуть мѣста погребенія, отстоящаго иногда довольно далеко.

Тотчасъ послѣ смерти киргиза, ближайшая родственница начинаетъ заунывное причитанье, въ которомъ принимаютъ участіе и другія, подхватывая хоромъ каждый стихъ. Плачь и причитаніе это все болѣе усиливаются до той минуты, пока верблюдъ не поднимется со своей ношей; тогда къ причитаніямъ присоединяются отчаянные тѣлодвиженія; женщины начинаютъ рвать волосы, царапать себя въ кровь лицо. Только когда печальное шествіе, въ которомъ онъ не принимаетъ участія, скроется изъ глазъ, умоляютъ плачь и стоны.

До выступленія печальной процессіи, нѣсколько человекъ ѣдетъ впередъ на быстрыхъ лошадяхъ, чтобы приготовить могилу. Она состоитъ изъ неглубокой ямы, переходящей въ сводъ, по направленію къ Меккѣ, подъ которымъ должны покориться голова и верхняя часть тѣла покойника. Послѣ погребенія могила заваливается колодами, досками, связками камыша или камнями, но не насыпается землей, которая можетъ быть только насыпана сверху въ видѣ холма. На этомъ холмѣ водружаютъ знамя, а иногда воздвигаютъ куполообразную постройку изъ дерева или кирпича. На могилу ребенка кладутъ его колыбель. Мулла еще разъ читаетъ молитву. Въ устройствѣ холма принимаютъ участіе всѣ; но этимъ похоронные обряды еще не заканчиваются.

Въ ту минуту, когда хозяинъ юрты испускаетъ послѣдній вздохъ, возлѣ юрты ставятъ бѣлое знамя и оставляютъ его здѣсь въ теченіе цѣлаго года. Каждый день вокругъ него собираются женщины и возобновляютъ свои причитанія; сюда же приводятъ любимую лошадь умершаго и обрѣзаютъ ей до половины хвостъ. Съ этой минуты на лошади этой никто больше не ѣздитъ, и она называется «вдовствующей». Черезъ семь дней всѣ родственники и друзья, даже живущіе или кочующіе въ отдаленіи, собираются въ юрту умершаго, гдѣ принимаютъ участіе въ поминальной трапезѣ; затѣмъ раздаютъ одежду покойнаго бѣднымъ и обсуждаютъ дальнѣйшую участь семьи и способъ управленія оставшимся имуществомъ, послѣ чего предоставляютъ членовъ семьи самимъ себя и ихъ горю.

Если умираетъ женщина, совершаются тѣ же самые обряды, съ тою только разницею, что моютъ и обрѣзаютъ ее женщины, а не мужчины. Но и въ этомъ случаѣ онъ во время погребенія остается въ кочевьѣ, гдѣ произносятъ обычные причитанія. У верховой лошади умершей также обрѣзаютъ хвостъ, но печальнаго знамени не водружаютъ.

Если кочевье переносить на другое мѣсто, то одинъ изъ юношей приводитъ «вдовствующую» лошадь, сѣдлаетъ ее задомъ напередъ, навьючиваетъ одежду умершаго и ведетъ въ поводу, неся въ правой рукѣ копые съ траурнымъ знаменемъ. По установкѣ юрты на новомъ мѣстѣ, онъ разсѣдываетъ лошадь и снова водружаетъ знамя.

Въ годовщину смерти снова собираются въ осиротѣлой юртѣ всѣ приглашенные родственники и знакомые, которые привѣтствуютъ одѣтыхъ въ трауръ женщинъ и еще разъ говорятъ имъ слова утѣшенія. Потомъ приводятъ «вдовствующую» лошадь, осѣдываютъ и навьючиваютъ ее, какъ при перѣздѣ, и ведутъ къ муллѣ, который благословляетъ ее. Два человѣка берутъ ее за поводья, разсѣдываютъ, опрокидываютъ на землю и вонзаютъ ей въ тѣло стальное остріе пика; древко передаютъ самому уважаемому изъ

родственниковъ, который ломаетъ его съ установленными для этого словами и бросаетъ куски въ огонь. Мясо лошади служитъ для угощенія бѣднѣйшихъ гостей, а шкура идетъ въ награду муллѣ.

По окончаніи церемоніи начинаются скачки. Молодые наѣзники по поданному знаку кидаются впередъ и исчезаютъ въ степи. Мулла смѣняетъ барда, который еще разъ прославляетъ умершаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствуетъ и живыхъ, стараясь пробудить радость въ сердцахъ ихъ. Женщины снимаютъ своеобразный головной уборъ, служившій признакомъ траура, и одѣваются въ праздничныя одежды. Послѣ сытнаго угощенія появляется круговая чаша съ кумысомъ; звуки цитры смѣшиваются съ веселыми восклицаніями.

Трауръ кончается, и жизнь снова вступаетъ въ свои права...

Переписка Ивана Грознаго съ Елизаветой Англійской.

В. Адамовича.

Личность Ивана Грознаго всегда привлекала къ себѣ вниманіе изслѣдователя... Эта страстная, порывистая, необузданная натура постоянно возбуждала много споровъ и, можно сказать, до сихъ поръ еще остается неразгаданной. Нѣкоторый свѣтъ на внутренній міръ этого удивительнаго человѣка бросаетъ его переписка съ Англійской королевой Елизаветой, гдѣ онъ невольно обнаруживаетъ свои тайные помыслы, выражаетъ опасенія по поводу своего пребыванія въ государствѣ и проситъ ее сохранить переговоры въ величайшей тайнѣ. Эта переписка любопытна еще и въ томъ отношеніи, что во всей наглядности обнаруживаетъ всю тонкость англійской дипломатіи и замѣчательное искусство въ умѣнны отыскивать рынки для сбыта своихъ товаровъ.

Переписка Ивана Грознаго съ Елизаветой началась въ ту печальную эпоху его жизни, когда онъ далъ полную волю своему звѣрству, и когда жертвы его неубузданности, тысячами отправлялись на плаху: духовенство не успѣвало совершать панихиды по казненнымъ, которые тысячами вписывались въ Синодики, гдѣ въ одномъ мѣстѣ говорится: «Помни, Господи, душа раба своихъ тысящю пятьсотъ пяти человекъ!» (Н. Устряловъ—Сказанія князя Курбскаго.) Иоаннъ лилъ кровь въ изобиліи въ порывѣ злости

и злобы, но въ душѣ мучился, сознавалъ, чѣмъ былъ для народа, и потому сдѣлался страшно подозрительнымъ, воображая, что врагами наполненъ весь его дворъ. Тогда въ немъ начинаетъ обнаруживаться боязнь за свою безопасность, ему чудится измѣна, и вотъ, онъ рѣшается воспользоваться отъѣздомъ въ Англію Дженкинсона *) и предложить союзъ Елизаветѣ, чтобы, на случай «тайнаго заговора», искать у нея убѣжища.

Это порученіе отъ царя Московскаго къ Елизаветѣ, данное Дженкинсону, было отправлено изъ Москвы со всѣми предосторожностями въ ноябрѣ 1567 года. Въ этомъ порученіи между прочимъ говорится:

«Царь требуетъ, чтобы ея Королевское Величество и онъ были за одно соединены, противъ всѣхъ враговъ своихъ: т. е., чтобы Ея Величество была другомъ его друзей и врагомъ его враговъ и также наоборотъ, и чтобы Англія и Россія были во всѣхъ дѣлахъ за одно... Дать... Царь убѣдительно проситъ, чтобы между имъ и ея Корол. Величествомъ было учинено клятвенное обѣщаніе, что, если-бы съ кѣмъ-либо изъ нихъ случилась бѣда какая-либо, то каждый изъ нихъ имѣетъ право прибыть въ страну другого для сберженія себя и своей жизни и жить тамъ и имѣть утѣжище

*) Англійскаго путешественника.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

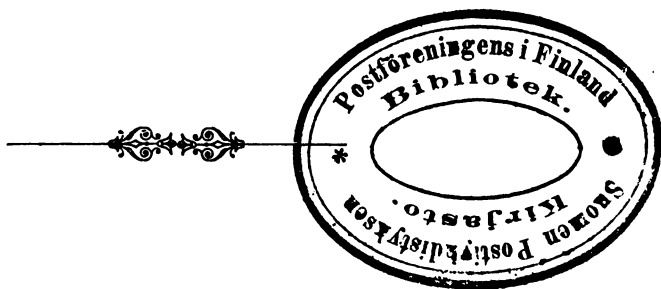
ЖУРНАЛУ „НИВА“

НА

1896 г.

ЗА

Январь, Февраль, Мартъ и Апрель.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.

стоянно находилось по крайней мѣрѣ двое чловѣкъ, что помѣшало ему овладѣть своимъ сокровищемъ. Его положеніе должно было быть невыносимымъ. Наконецъ ему показалось, что насталъ удобный случай. Онъ попробовалъ украсть бумагу, но вашъ легкій сонъ помѣшалъ ему. Вы можетъ-быть помните, что въ этотъ вечеръ не приняли обычнаго лѣкарства?

— Да, помню.

— Я думаю, что онъ принялъ мѣры для удвоенія дѣйствія этого лѣкарства, и рассчитывалъ на то, что вы будете безъ сознанія. Я конечно понималъ, что онъ при первой возможности повторитъ свою попытку. Тѣмъ, что вы вышли изъ комнаты, ему представился случай, но я нарочно продержалъ въ ней миссъ Гэррисонъ весь день, чтобы онъ не могъ предупредить насъ.—Я зналъ уже, что бумага спрятана гдѣ-нибудь въ комнатѣ, но не имѣлъ желанія выворачивать всѣ по-

ловицы и отдираать обои, отыскивая ее. Я далъ ему время самому достать ее, караулилъ его, и этимъ избѣгнулъ многихъ затрудненій: Есть ли еще что-нибудь, что я могу объяснить вамъ?

— Почему же онъ въ первую ночь взломалъ окно? спросилъ я. — Онъ вѣдь могъ легко войти въ дверь?

— По дорогѣ къ этой двери ему надо было пройти мимо семи спаленъ. А тутъ было такъ легко выпрыгнуть на лугъ.—Еще что?

— Вѣдь вы не думаете, спросилъ Фельпсъ, — что онъ хотѣлъ убить? Ножъ былъ нуженъ ему только какъ орудіе для взлома.

— Можетъ-быть, — отвѣчалъ Холмсъ, пожимая плечами. — Я знаю только одно, что м-ръ Іосифъ Гэррисонъ такой господинъ, на милость котораго я ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы рассчитывать.

Степные кочевники-скотоводы.

Очеркъ А. Брэма.

(Съ нѣмецкаго.)

Какъ ни богата средне-азиатская степь, какъ ни поражаетъ она веселою яркостью красокъ, сколько ни заключаетъ въ себѣ плодородной земли, все-таки острѣлость, жизнь на одномъ и томъ же клочкѣ, привязанность къ нему, возможны только въ исключительно благоприятныхъ частяхъ ея.

Отъ всѣхъ своихъ обитателей, какъ людей, такъ и животныхъ, степь требуетъ движенія и перекочевковъ, прихода и ухода, появленія и исчезновенія. Отдѣльные участки ея поддаются труду земледѣльца, на отдѣльныхъ участкахъ онъ можетъ возводить деревни и города: но степь, во всемъ ея объемѣ, онъ принужденъ предоставить кочевнику, умѣющему принаравливаться ко всевозможнымъ условіямъ жизни.

Между степными кочевниками, первое мѣсто, какъ по количеству, такъ и по степени культурности, занимаютъ киргизы. Населенная ими область простирается отъ Дона и Волги до горъ Тяньшаня, отъ средняго Иртыша на югъ до озера Балкаша и почти до Хивы и даже Бухары. Киргизы подраздѣляются на орды и племена, на степныхъ и горныхъ кочевниковъ, но, въ сущности, по происхожденію, языку, вѣрѣ, нравамъ и обычаямъ, это одинъ и тотъ же народъ, какъ

бы ни отличались между собою отдѣльные племена. Въ Оренбургской степи пасетъ стада и кочуетъ Меньшая или Малая орда, въ степяхъ между Волгою и Ураломъ, въ Тургайской и Уральской областяхъ, — отдѣлившаяся отъ первой вѣтви, такъ называемая Букеевская орда; въ степяхъ и горахъ области Иртыша и Балкаша кочуетъ Средняя или Старшая орда, и наконецъ, по ту сторону рѣки Или до Бухары и Хивы располагаются кочевья горныхъ киргизовъ, которые называютъ себя Великою или Старѣйшею ордою. Киргизами, однако, не называютъ себя ни одна отрасль этого племени, потому что слово киргизъ есть бранное слово, означающее «разбойникъ»; настоящее же названіе этого племени есть «кайсакъ», можетъ-быть то же, что казакъ, хотя сами русскіе подъ названіемъ казаковъ разумѣютъ, въ настоящее время, совсѣмъ иныхъ подданныхъ своей имперіи.

Киргизы, которыхъ я все же буду называть этимъ именемъ, представляютъ одно изъ тюркскихъ племенъ, относительно принадлежности котораго къ той или другой расѣ существуютъ различныя воззрѣнія. Многие путешественники, — едва ли не большинство, — считаютъ киргизовъ настоящими монголами,

между тѣмъ какъ другіе, и, повидимому съ большимъ основаніемъ, рассматриваютъ ихъ какъ помѣсь, напоминающую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ монголовъ, въ общемъ же, имѣющую болѣе признаковъ индо-германскаго происхожденія и наиболѣе приближающуюся къ туркменамъ. Видѣнные мною киргизы, принадлежавшіе къ Средней ордѣ, отличаются невысокимъ, скорѣе маленькимъ ростомъ, правильнымъ тѣлосложеніемъ, съ лицомъ хотя и некрасивымъ, но не монгольскія безобразнымъ, красивыми руками и ногами, свѣтлымъ или прозрачнымъ свѣтло-коричневымъ, легкаго желтоватаго оттѣнка, чѣтвымъ кожи, карими глазами и черными волосами. Скуловыя кости не настолько выдаются, и подбородокъ не настолько суживается, чтобы лицо становилось угловатымъ или приобрѣтало сходство съ кошачьей мордой; прорѣзъ глазъ — не большихъ и не малыхъ, — имѣетъ болѣею частью выпуклость по срединѣ съ горизонтально вытянутымъ наружнымъ угломъ, слѣдовательно хотя и миндалевидный, но не косоложащій; носъ обыкновенно прямой, рѣдко — сгорбленный; ротъ средней величины, почти всегда рѣзко очерченный; борода не густая, но и не черзчуръ жидкая. Встрѣчаются, правда, и чисто монгольскія черты лица, преимущественно у женщинъ и дѣтей въ бѣдныхъ семьяхъ; вообще же, насколько мало я видѣлъ дѣйствительно красивыхъ киргизовъ, настолько же рѣдко встрѣчалъ и такіа уродливыя фizioноміи, какія бываютъ у несомнѣнныхъ монголовъ. Во всякомъ случаѣ, въ нихъ болѣе замѣтны признаки смѣшаннаго народа, нежели черты определенной, строго-характерной расы. Я встрѣчалъ киргизовъ, которыхъ, не зная ихъ племеннаго происхожденія, безусловно могъ бы признать за отпрыски индогерманскаго племени, но въ то же время знавалъ и такихъ, у которыхъ, при всемъ моемъ желаніи, не могъ бы отрицать монгольскаго склада лица. Принадлежащіе къ древнимъ родамъ всѣ безъ исключенія надѣлены существенными признаками индогерманцевъ, люди же болѣе низкаго происхожденія напоминаютъ, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ чертахъ, монголовъ, а часто и совершенно походятъ на нихъ. Власть ислама, дарующаго рабамъ, становящимся правовѣрными, родовыя права, вѣроятно, съ теченіемъ времени обратила въ киргизовъ многихъ монголовъ-язычниковъ, что не только повліяло на типъ киргизовъ, но и прямо испортило его.

Одежда киргиза, въ главныхъ чертахъ, турецкая, отнюдь не способна выставить его фигуру въ выгодномъ свѣтѣ. Зимой формы его тѣла выкупаются мѣховою шапкой, мѣховымъ кафтаномъ и сапогами съ

толстыми голенищами; но и лѣтомъ статность его мало замѣтна. Недостаточный киргизъ, кромѣ шубы и неизбѣжной мѣховою шапки или пахаи, носитъ рубашку, бешметъ и широкія шаровары, а богатѣйшіе и знатнѣйшіе, подобно обитателю Востока, надѣваетъ нѣсколько одѣяній одно поверхъ другого; какъ тотъ, такъ и другой прячетъ всѣ одежды, облегающія нижнюю часть тѣла, за исключеніемъ одной только шубы, въ широкія шаровары, чтобы ничто не мѣшало сидѣть на конѣ, и вслѣдствіе этого имѣетъ тѣмъ болѣе забавный видъ, чѣмъ онъ богаче одѣтъ. Темные цвѣта они предпочитаютъ свѣтлымъ и яркимъ, хотя не пренебрегаютъ и послѣдними, но любятъ ихъ преимущественно въ видѣ пестрыхъ украшеній, вышивокъ и галуновъ. Почти каждый киргизъ носитъ на поясѣ красивую, богато разукрашенную желѣзомъ или серебромъ, сумку и такимъ же образомъ разукрашенный ножъ, а затѣмъ, за исключеніемъ неизбѣжнаго перстня съ печатью, никакихъ украшеній, развѣ только медаль, пожалованную государемъ.

Относительно одежды женщинъ я могу сказать лишь немного, отчасти потому, что скромность не позволяла мнѣ входить въ болѣе подробные разспросы, отчасти потому, что женѣ богатыхъ и знатныхъ киргизовъ я вовсе не видалъ, а другихъ мнѣ не удалось видѣть въ праздничныхъ нарядахъ. Кромѣ шубы, сапогъ и башмаковъ, совершенно сходныхъ съ мужскими, женщины носятъ шаровары, также мало отличающіяся отъ мужскихъ, рубашку и верхнее платье, похожее на рясу, спускающееся ниже коленъ и подхваченное посрединѣ, на головѣ — или платокъ, обвитый въ видѣ чалмы, или нѣчто въ родѣ монашескаго капюшона, покрывающаго голову, шею, плечи и грудь.

Какъ мужская, такъ и женская одежда отличается грубостью и аляповатостью работы; характерною чертою верхняго платья обоихъ половъ служатъ непомерно длинныя рукава, которые ниспадаютъ гораздо ниже руки и очевидно вызваны требованіями климата.

При кочевой жизни киргизовъ, обусловленной поисками подножнаго корма для многочисленныхъ и взыскательныхъ стадъ, необходимы такіа жилища, которыя легко разбирались бы и строились на любомъ мѣстѣ, и притомъ доставляли необходимую защиту противъ непогодъ и суровости климата. Киргизская юрта удовлетворяетъ этимъ условіямъ лучше всякаго другого кочеваго жилища, и вполне справедливо считается совершеннѣйшимъ изъ шатровъ. Типъ ея выработался тысячелѣтнимъ опытомъ. Юрта легка, удобопереносима, непромокаема и тепла; недо-

сягаема ни для какой бури и легко доступна свѣжему воздуху и солнечному лучу; уютная и покойная, простая, но допускающая богатыя внутреннія и наружныя украшенія, она соединяетъ въ себѣ столько превосходныхъ качествъ, что ее цѣнишь все больше и

кольцомъ; въ нижней рѣшеткѣ вдѣлана дверь. Легкія цыновки и большіе, надлежащимъ образомъ выкроенные и расположенные, войлоки составляютъ наружный покровъ этой рѣшетчатой юрты. Полъ также покрывается войлоками. За исключеніемъ дверей, надѣ-

Киргизскій аулъ.

больше, и чѣмъ дольше въ ней живешь, тѣмъ болѣе находишь удобствъ. Она состоитъ изъ складной, замыкающейся въ видѣ кольца, рѣшетки, образующей круглую нижнюю стѣнку юрты, затѣмъ изъ рѣшетчатого же свода, завершающагося большимъ деревяннымъ

вающихся на петли, и стропилъ, вдѣвающихся въ верхнее кольцо юрты, вся постройка скрѣпляется исключительно одними веревками и завязками, почему чрезвычайно легко и быстро разбирается, а круглый поперечный и куполообразный продольный

разрѣзы дѣлають ее устойчивою противъ самыхъ сильныхъ бурь и вообще противъ всякихъ непогодъ. На постановку юрты требуется едва ли болѣе получка а, — на разборку — того мѣнѣе; на перенесеніе съ одного мѣста на другое достаточно одного верблюда; но на изготовленіе и отдѣлку ея необходимо много времени и все искусство хозяйки дома, на долю которой выпадаетъ также весь трудъ при постановкѣ юрты.

Юрта составляетъ важную часть движаго имущества киргиза. Богатые имѣють по шести и восьми юртъ, но затрачивають болѣе денегъ на украшеніе одной, чѣмъ на постройку нѣсколькихъ, потому что имущество ихъ оцѣнивается и облагается податями — не по количеству головъ скота, а по числу юртъ. Знатный киргизъ любить пошеголять своею юртою, которую онъ богато изукрашиваетъ; онъ дѣлаетъ ее изъ самаго дорогого войлока и снаружи и внутри убираетъ пестрыми кусками сукна; но болѣе всего онъ дорожитъ драгоцѣнными коврами и шелковыми, искусно вышитыми и выставленными одеялами, которыми онъ, въ торжественныхъ случаяхъ, украшаетъ внутреннюю часть жилья. Дорогіе ковра переходяť по наслѣдству отъ отца къ сыну и цѣнятся не ниже нечekanеннаго серебра.

Однако имущество кочевника оцѣнивается не по количеству подобныхъ второстепенныхъ предметовъ, а единственно по многочисленности его стада. Самый бѣдный владѣлецъ юрты для того, чтобы жить и быть способнымъ вести борьбу за существованіе, долженъ имѣть свой скотъ. Стада богатыхъ считаются многими тысячами головъ, стада бѣдныхъ, во всякомъ случаѣ, сотнями; но самый богатый можетъ обдѣлѣть, если его стада постигнетъ чума, а бѣдный — умереть съ голоду, если всеобщій падежъ скота посѣтитъ его. Принимающія большіе размѣры повальныя болѣзни скота уничтожаютъ благосостояніе цѣлаго племени, обрекають тысячи людей на голодную смерть, въ буквальномъ смыслѣ слова. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что всѣ помыслы и стремленія киргиза тѣсно связаны съ его стадами, что его нравы и обычаи обуславливаются этою живою связью человѣка съ животнымъ, что человѣкъ находится въ зависимости отъ животного.

Лошадь есть не только полезнѣйшее, благороднѣйшее и любимѣйшее изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ киргиза, но представляетъ въ глазахъ своего владѣльца символъ величайшей красоты, и въ то время мѣрило, которымъ оцѣнивается и опредѣляется богатство или бѣдность. Въмѣсто «лошадь» киргизъ просто называетъ ее «домашнимъ животнымъ»; вмѣсто словъ «наѣво и на-

право» онъ употребляетъ выраженія: «сторона, съ которой садятся на лошадь» или «сторона, съ которой держать нагайку». Лошадь составляетъ гордость юноши и дѣвушки, мужчины и старика, молодой женщины и старухи; когда хвалить или бранить лошадь, это все равно, что хвалить или бранять всадника; ударъ по лошади относится не къ лошади, а къ ея всаднику, ея владѣльцу.

Множество киргизскихъ пѣсень посвящено лошади; она служитъ для сравненія съ человѣкомъ, для оцѣнки достоинствъ мужчины и женщины и для опредѣленія чelовѣческой красоты.

„Невѣста, о невѣста, милая невѣста,
Жеребеночекъ ты отъ темной кобылы!“

Такъ привѣтствуетъ пѣвецъ невѣсту, когда ее вводить въ юрту жениха;

„Скажите лучше, гдѣ бѣлыя гривы
мелькають?
Гдѣ рѣзвятся, играютъ жеребяточки?
Хоть свекоръ и добръ ко мѣѣ,
Не родной онъ отецъ для меня!“

отвѣчаетъ невѣста юношамъ, поющимъ ей «Джаръ-Джаръ», — утѣшительную пѣсню «дѣвушкѣ, прощающейся съ роднымъ домомъ», напоминая имъ словами «играють, рѣзвятся жеребяточки» время своей первой любви.

Число конскихъ головъ опредѣляется богатство киргиза, числомъ коней рассчитывается и вносится калымъ за невѣсту; во сто кобылъ оцѣнивають дѣвушку, которую предназначаютъ наилучшему наѣздику; конемъ дарятъ другъ друга; конями расплачиваются за смертельную рану или убійство, за переломленные въ борьбѣ члены, за вышибленные глаза, за всякое правонарушеніе или проступокъ: убійца мужчины освобождается отъ отвѣтственности и изгнанія — цѣною ста коней, убійца женщины — цѣною пятидесяти, убійца ребенка — цѣною тридцати; лошадьми уплачивается пеня, налагаемая соплеменниками за тѣлесный или имущественный уронъ, нанесенный другому; ради лошади даже уважаемый киргизъ готовъ сдѣлаться воромъ. Вся жизнь киргиза связана съ конемъ: на конѣ онъ скачетъ къ своей возлюбленной, спѣшитъ къ невѣстѣ, и на поле битвы; на конѣ перевозятъ сѣдло и одежду умершаго съ одного кочевья на другое; на конѣ ѣдетъ мужчина и женщина, старикъ и ребенокъ, котораго приходится привязывать къ сѣдлу. Киргизъ безъ лошади все равно, что у насъ бездомный бродяга; безъ лошади онъ самъ считаетъ себя бѣднѣйшимъ и несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Киргизъ хорошо изучилъ образъ жизни своей лошади, знаетъ ея нравъ и привычки, качества и недостатки, добродѣтели и по-

роки, знает, что ей полезно и что вредно, и, хотя требует от нея иногда невозможнаго, но никогда не обременяет без нужды; онъ обходится съ лошадыю хотя не такъ нѣжно, какъ арабъ, но зато и не съ такою небрежностью, какъ другіе народы. О разумномъ, сознательномъ уходѣ за благороднымъ животнымъ, какой практикуется у арабовъ, персовъ, нѣмцевъ или англичанъ, здѣсь нѣтъ и помину, хотя и киргизъ заботится объ улучшеніи излюбленныхъ породъ. Къ сожалѣнію, выбирая жеребцовъ для приплода, онъ обращаетъ вниманіе исключительно на стати, относясь равнодушно къ масти лошади, почему и получается нѣрѣдко потомство положительно безобразное по неправильности окраски. Дрессировка оставляетъ желать весьма многого, что и не можетъ быть иначе при томъ огромномъ количествѣ лошадей, которымъ владѣетъ киргизъ.

Мы съ своей стороны не можемъ не признать киргизскую лошадь симпатичнымъ, добродушнымъ животнымъ, хотя она, по многимъ статьямъ, вовсе не соответствуетъ нашимъ понятіямъ о красотѣ. Это средняго роста, хорошо сложенное животное, не съ безобразной, хотя и съ нѣсколько большой головой, значительно утолщенной вслѣдствіе выдающихся, широкихъ ганашей; съ шеей сильной, хотя не длинной, длиннымъ туловищемъ, съ тонкими конечностями и мягкой шерстью. Глаза большіе, огненные, уши скорѣе большія, чѣмъ маленькія, но хорошо поставленныя. Волосъ гривы и хвоста тонкій, длинный и густой, хвостъ такъ обилитъ, что волочится по землѣ, ноги крѣпкія, можетъ-быть слишкомъ тонкія, копыта большею частью прямыя, иногда слишкомъ высокія. Свѣтлыя масти преобладаютъ, и между ними много пѣгихъ. Чаше всего встрѣчаются гнѣдыя, свѣтло-гнѣдыя, рыжія, буланія и соловыя, гораздо рѣже караковыя или вороныя, и въ видѣ исключенія — бѣлыя. Грива и хвостъ чрезвычайно красятъ лошадей свѣтлой масти потому, что они обыкновенно или черные или же значительно свѣтлѣе шерсти.

Нравъ киргизской лошади заслуживаетъ большой похвалы. Она горяча и притомъ чрезвычайно добродушна, смѣла передъ всякими знакомыми ей опасностями, и бываетъ робка и пуглива только въ тѣхъ случаяхъ, когда что-либо незнакомое ошеломляетъ ее; она честолюбива, послушна, усердна, трудолюбива и въ высшей степени неугомыма; она годна лишь подъ верхъ, и только послѣ долгой выѣздки можетъ быть употреблена въ упряжку; какъ упряжная, киргизская лошадь все же менѣе вынослива, чѣмъ подъ сѣдломъ. Для меня была

особенно неприятна ея дурная привычка, въ которой, конечно, болѣе виноваты сами киргизы, чѣмъ она сама, именно привычка постоянно ѣсть или выискивать кормъ по дорогѣ, и желаніе удовлетворить эту жажду даже при самыхъ трудныхъ условіяхъ, переправѣ въ бродѣ, чрезъ каменные и стремительные горные потоки, или взбираясь на крутые утесы. Она такъ же жадна, какъ и всякое другое домашнее животное, привыкшее къ подножному корму; въ обращеніи съ себѣ подобными, пока въ дѣло не вмѣшивается всесильная любовь, настолько же уживчива, насколько послушна и покорна своему хозяину.

Бѣдные киргизы имѣютъ по столько лошадей, сколько имъ необходимо для передвиженія всѣхъ членовъ семьи и для обезпеченія потребнаго приплода; богатые же и знатные кочевники имѣютъ по пяти, шести тысячъ головъ и даже, какъ меня увѣряли, до десяти и двѣнадцати тысячъ, которыя въ такомъ случаѣ группируются въ отдѣльные табуны, пасутся въ разныхъ мѣстахъ, находясь конечно въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ лошади бѣдняковъ. Каждый отдѣльный табунъ состоитъ не менѣе какъ изъ пятнадцати и не болѣе какъ изъ пятидесяти головъ; въ послѣднемъ случаѣ изъ одного жеребца, находящагося въ наилучшей порѣ зрѣлости, девяти матокъ и столькожъ же молодыхъ жеребчиковъ, восьми двухлѣтокъ, отъ шести до восьми трехлѣтокъ, отъ пяти до шести четырехлѣтокъ жеребятъ и нѣсколькихъ болѣе старыхъ лошадей, или мериновъ. Жеребецъ неограниченный хозяинъ, повелитель, вожакъ и защитникъ своего табуна; онъ не даетъ волку украсть ни одного жеребенка, смѣло и съ успѣхомъ выступаетъ навстрѣчу трусливому хищнику, и, если послѣдній подходитъ слишкомъ близко, бьетъ его передними копытами. Онъ не терпитъ соперниковъ и потому безжалостно изгоняетъ изъ своего стада всѣхъ достигающихъ зрѣлости жеребцовъ; принявъ бразды правленія, онъ изгоняетъ также и собственную мать, а вслѣдствіи и дочерей своихъ. Такое самоуправство животного требуетъ отъ пастуха, особенно въ пору припуска, самой строгой бдительности, если онъ не хочетъ потерять изгнанныхъ кобылъ, ищущихъ другого султана, или выжитаго жеребца, стремящагося къ собственной независимости. Только на пятую году молодая кобыла допускаетъ къ себѣ жеребца, и въ слѣдующую весну, обыкновенно въ мартѣ, приноситъ перваго жеребенка. Ее сначала не отдѣляютъ отъ табуна, и только въ стадѣ приводятъ, вмѣстѣ съ жеребенкомъ, поближе къ юртѣ, чтобы здѣсь въ теченіе че-

тырехъ мѣсяцевъ доить ее и приготовить знаменитый кумысъ. Осенью матка и жеребенокъ возвращаются въ табунъ, гдѣ ихъ принимаютъ безъ всякихъ затрудненій и гдѣ они вволю наслаждаются вновь обрѣтенной свободой.

Самымъ полезнымъ, а потому и самымъ важнымъ домашнимъ животнымъ кочующаго скотовода слѣдуетъ признать овцу. Это крупное, хорошо сложенное животное, обезображенное иногда жировымъ наростомъ на груди, такъ называемымъ — курдюкомъ. Ея плотное тѣло покоится на высокихъ, крѣпкихъ ногахъ; голова маленькая, носъ узкій и приплюснутый, уши висячія или стоячія, рога слабо развитые, шерсть жесткая и густая, вымя очень большое, курдюкъ же часто принимаетъ такіе огромные размѣры, что животное не въ состояніи нести его и, сгибая ноги, волочить по землѣ, если на помощь не придетъ пастухъ, который подвизываетъ къ хвосту маленькую двухколесную тележку и взваливаетъ на нее этотъ жировой наростъ. При скрещиваніи киргизскаго барана съ овцою, не имѣющею курдюка, второе или третье поколѣніе уже приобрѣтаютъ этотъ необыкновенный придатокъ, чего однако не случается при повторномъ скрещиваніи гладкохвостаго барана съ киргизскою курдюковою овцою.

Хотя по характеру киргизская овца въ главныхъ чертахъ походить на нашу, однако, вслѣдствіе вольной жизни въ степи, большіе передвиженія и трудности пути, ея тѣлесныя и духовныя способности оказываются несравненно болѣе развитыми, чѣмъ у нашей домашней овцы. Тѣмъ не менѣе и въ степи умная коза является путеводительницею и вожакомъ глупой овцы, а потому справедливость требуетъ упомянуть здѣсь и о ней.

Киргизская коза средняго роста, коренаста и стройна, съ сильнымъ корпусомъ, короткой шеей и маленькой головой; ноги ея вполне соразмѣрны корпусу, глаза большіе и живые, взглядъ выразительный, уши остро-конечныя, торчащая вверхъ, рога относительно слабо развиты, причемъ, или просто загнуты назадъ и въ наружную сторону, или же до половины закручены; шерсть густая, особенно на бородѣ и на концѣ хвоста, на лбу удлинненная и курчавая; преобладающая окраска прекраснаго чисто-бѣлаго цвѣта съ черными отмѣтинами.

Съ овцами и козами киргизы обращаются совершенно одинаково и даже пасутъ ихъ въ одномъ стадѣ. Бѣдные киргизы каждаго аула составляютъ одно общее стадо; богатые же, у которыхъ количество скота доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ головъ, имѣютъ

по нѣсколько стадъ. Овечій пастухъ—обыкновенно подростокъ—мальчикъ, раздѣзжаетъ волгъ своего стада верхомъ на волгѣ, которымъ онъ такъ искусно управляетъ, заставляя бѣжать рысью, что можетъ настичь самую быстроногую козу. Возвращаясь однажды съ одной охотничьей экскурсіи, мы встрѣтились съ такимъ пастухомъ, и онъ для собственнаго удовольствія, въ теченіе четверти часа скакалъ рядомъ съ нашими, бѣжавшими по степи полною рысью лошадьми, причемъ его необыкновенное верховое животное не обнаруживало ни малѣйшей усталости. Только пастухи татарскихъ овцеводовъ ѣздятъ всегда на лошадяхъ. При опасныхъ переходахъ чрезъ шумные горные потоки или горы, предводительство стадомъ берутъ на себя козы, и здѣсь, какъ и всюду, овцы слѣпо слѣдуютъ за ними.

Такъ какъ сѣно косить и собирать въ скирды только въ самыхъ благопріятныхъ мѣстностяхъ,—то рожденіе ягнятъ и козлятъ овцеводы всегда подгоняютъ къ веснѣ, обеспечивающей молодому скоту быстрый ростъ и силы. Новорожденные ягнята и козлята въ первые дни своей жизни берутся въ юрту, къ которой они скоро такъ привыкаютъ, что покидаютъ ее вслѣдствіи съ жалобнымъ блеяньемъ. Чрезъ нѣкоторое время ихъ переводятъ въ устроенныя вблизи зимняго жилья хлѣва, то-есть простыя, вырытыя въ степи, земляныя ямы, надъ которыми холодный вѣтеръ проносится почти не чувствительно, и, наконецъ, ставятъ къ веревкѣ, называемой кегенъ, натянутой на колья, вбитые въ землю передъ каждою юртою. Когда ягнята и козлята дѣлаются способными пастись, ихъ отправляютъ отдѣльными стадами въ открытую степь, и только къ вечеру загоняютъ обратно къ юртамъ. Такимъ образомъ они уже сызмала привыкаютъ къ вольной жизни въ степи, къ вѣтру и непогодѣ, къ бурѣ и дождямъ.

Сравнительно съ лошадьми, овцами и козами, рогатый скотъ имѣетъ весьма второстепенное значеніе. Хотя стада коровъ и встрѣчаются около каждаго аула, но число ихъ далеко не соотвѣтствуетъ количеству овецъ и козъ. Рогатый скотъ крупнѣе и красивѣе скота великорусскихъ и сибирскихъ крестьянъ, но значительно уступаетъ китайскому и отнюдь не можетъ быть сравниваемъ съ лучшими западно-европейскими породами. Онъ средней величины и тученъ, имѣетъ короткую, гладкую шерсть, длинные и выгнутые рога; преобладающій цвѣтъ его красивый густой красно-коричневый.

Скотъ пасется довольно большими стадами, но онъ, безъ всякаго присмотра, долженъ самъ отыскивать себѣ кормъ; дойныхъ

коровъ приманиваютъ домой единственно при помощи телятъ, привязанныхъ или пасущихся въблизи юрты, быки же, если имъ заблагоразсудится, иногда по нѣскольку дней не возвращаются въ аулъ.

Что касается верблюдовъ, они имѣются въ каждомъ аулѣ, но не у каждого киргиза, и даже самые богатые рѣдко имѣютъ болѣе

средней Азии, преимущественно одnogорбаго; иногда скрещиваютъ породы вмѣстѣ, причемъ получаются своеобразные ублюдки, у которыхъ оба горба почти сливаются въ одинъ.

Двугорбый верблюдъ срединныхъ степей принадлежитъ къ одной изъ болѣе легкихъ породъ, и потому далеко не такъ массивенъ и неуклюжъ, какъ тѣ экземпляры, которыхъ

Киргизы съ вьючными верблюдами.

пятидесяти головъ, потому что верблюдъ, вполне основательно, считается самымъ нѣжнымъ изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ кочующихъ скотоводовъ; его настоящая родина лежитъ южнѣе и восточнѣе. Въ степяхъ, по которымъ мы проѣзжали, держатъ только двугорбаго верблюда; въ степяхъ же, лежащихъ на югъ отъ озера Балкаша и въ

мы видимъ въ зоологическихъ садахъ, но шерсть его не менѣе густа. Тѣмъ не менѣе, зимнюю стужу онъ переноситъ труднѣе, чѣмъ всѣ остальные домашнія животныя киргизовъ. Когда онъ становится на колѣни или ложится отдыхать, ему необходима войлочная подстилка, но и при этомъ онъ легко простужается и гибнетъ. Во время ливня его

приходится укутывать въ войлоки, лѣтомъ прикрывать отъ укусовъ комаровъ и слѣпней, чтобы онъ не погибъ: однимъ словомъ, онъ служить предметомъ вѣчныхъ заботъ, и не пригоденъ для бѣднаго человѣка, на которомъ всякій изыскъ отзывается второй чувствительно. Двугорбый верблюдъ такъ же умѣренъ и невзыскателенъ относительно пищи, какъ и дромадеръ; походить на послѣдняго и своею безумною яростью въ весенній періодъ, когда онъ становится опаснымъ даже для хозяина, несмотря на обычную его привязанность къ нему; въ остальное время года онъ выгодно отличается отъ одnogорбаго верблюда кротостью и послушаніемъ. Меня, имѣвшаго въ теченіе многихъ лѣтъ дѣло съ дромадерами, особенно поразили эти прекрасныя качества двугорбаго верблюда. Онъ даетъ себя поймать почти безъ сопротивленія и при нагрузкѣ покорно опускается на колѣни, хотя съ нѣкоторымъ ворчаньемъ, но безъ отвратительнаго, дѣйствующаго на нервы, рева дромадера. Съ легкимъ, сравнительно, грузомъ, онъ безропотно пробѣгаетъ отъ тридцати до сорока километровъ въ день; если грузъ готовъ свалиться, онъ самъ приостанавливается на мѣстѣ. Имѣя на спинѣ всадника, онъ можетъ сдѣлать отъ пятидесяти до шестидесяти километровъ въ день; съ тяжестью въ четыреста килограммъ, когда онъ принужденъ идти медленнѣе, иногда и крупнымъ шагомъ,—не менѣе половины этого пути. Верблюдъ пасется почти всегда вблизи юрты, вмѣстѣ съ другими животными аула, и считается киргизами нѣкоторымъ образомъ священнымъ животнымъ.

Затѣмъ слѣдуетъ собака, пользующаяся, между домашними животными киргиза, наименьшимъ почетомъ. Это по большей части крупное, хотя не всегда красивое животное, но, во всякомъ случаѣ, значительно отличающееся, въ свою пользу, отъ безобразныхъ дворняжекъ, встрѣчающихся въ другихъ мѣстахъ Сибири и въ Туркестанѣ. Строеніемъ тѣла она болѣе походитъ на борзую собаку, чѣмъ на овчарку, голова ея продолговатая, но неуклюжая, шерсть длинная, мягкая, хвостъ пушистый, окраска различная. Крайне бдительная и отважная киргизская собака является опаснымъ противникомъ волка, разумнымъ и осмотрительнымъ защитникомъ для болѣе слабого скота, неустаннымъ сторожемъ, вѣрнымъ рабомъ своего хозяина и товаришемъ въ прѣлахъ его дѣтей; она соединяетъ въ себѣ, такимъ образомъ, многія добродѣтели своей породы, и поэтому ее держать въ каждой юртѣ, или по крайней мѣрѣ въ каждомъ аулѣ.

Вокругъ эксплуатаціи и разведенія скота вертится вся жизнь киргиза. Первал со-

ставлятъ главную задачу женщинъ, второе—главный трудъ мужчинъ. За исключеніемъ костей, которыя выбрасываются, утилизируются всѣ остальные части убитаго животнаго; точно такъ же и въ стадѣ доятся безъ различія самки всѣхъ породъ скота. Количество потребляемой киргизомъ растительной пищи совершенно ничтожно, по сравненію съ животной; главную составную часть его питанія представляетъ мясо и молоко, растительные же продукты идутъ только на приправу. Хлѣбъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, не употребляется вовсе, ибо и тѣ лепешки или кецки изъ тѣста, которыя сколько-нибудь походить на хлѣбъ, не пекутся, а жарятся въ жиру. Мука и рисъ, въ особенности послѣдній, появляющійся только въ юртѣ богатаго кочевника, употребляются лишь ради перемѣны въ вѣчномъ однообразіи молочной и мясной пищи. Немудрено поэтому, что въ случаѣ падежа скота киргизу угрожаетъ голодовка, а иногда и голодная смерть.

Зажиточные киргизы отдѣляютъ овечьи и козье молоко отъ молока коровъ, кобылицъ и верблюдицъ; но бѣдные мѣшаютъ все въ одной посудинѣ, почему и имѣютъ только тѣ продукты, которые получаются изъ овечьяго молока, тогда какъ богатые разнообразятъ молочные продукты. Изъ молока овецъ и козъ, которое доятъ всегда въ одно ведро и сохраняютъ въ однихъ бурдюкахъ, приготавливаютъ не только различныя кушанья, которыя сѣдаются тотчасъ же съ приправою или безъ приправы муки, но и дѣлаютъ масло, мелкіе разсыпчатые сыры, имѣющие кислый или горькій,—противный для европейца, вкусъ, и желтый, вкусный даже по нашимъ понятіямъ, творогъ, который сохраняется какъ сыръ и по мѣрѣ надобности распускается въ водѣ на подобіе похлебки. Изъ коровьяго молока приготавливаютъ главнымъ образомъ простоквашу и только въ исключительныхъ случаяхъ творогъ, масло и сыръ; наконецъ изъ кобыльяго и верблюжьяго молока дѣлаютъ знаменитый кумысъ, т.-е., молочное вино, получаемое послѣ четырехдневнаго броженія и усерднаго взбалтыванія и взбиванія. Кумысъ составляетъ праздничный напитокъ всѣхъ зажиточныхъ киргизовъ, которымъ они напиваются до-пьяна.

Лѣтомъ, даже богатые киргизы питаются почти исключительно молокомъ и только въ особенно торжественныхъ или важныхъ случаяхъ ѣдятъ мясо. Съ началомъ зимняго времени, напротивъ того, бьютъ безъ разбора и барановъ и козъ, лошадей и рогатый скотъ, даже верблюдовъ. Благороднѣйшимъ мясомъ почитается конское, въ особенности мясо кобылицъ; самымъ низкимъ и худшимъ считается мясо коровъ и быковъ. Баранина

занимает послѣ конины первое мѣсто, верблюжина считается укрѣпляющей духъ, козлятина—признакомъ бѣдности, а предложенная гостю—выражаетъ неуваженіе къ нему. Въ конской тушѣ цѣнятся въ особенности крестецъ, въ бараньей—грудинка; высшимъ лакомствомъ считается брюшное сало жеребенка; его солятъ, готовятъ изъ него копченныя колбасы и подаютъ ихъ, наравнѣ съ кумысомъ, въ знакъ особаго вниманія, почетнымъ посѣтителемъ.

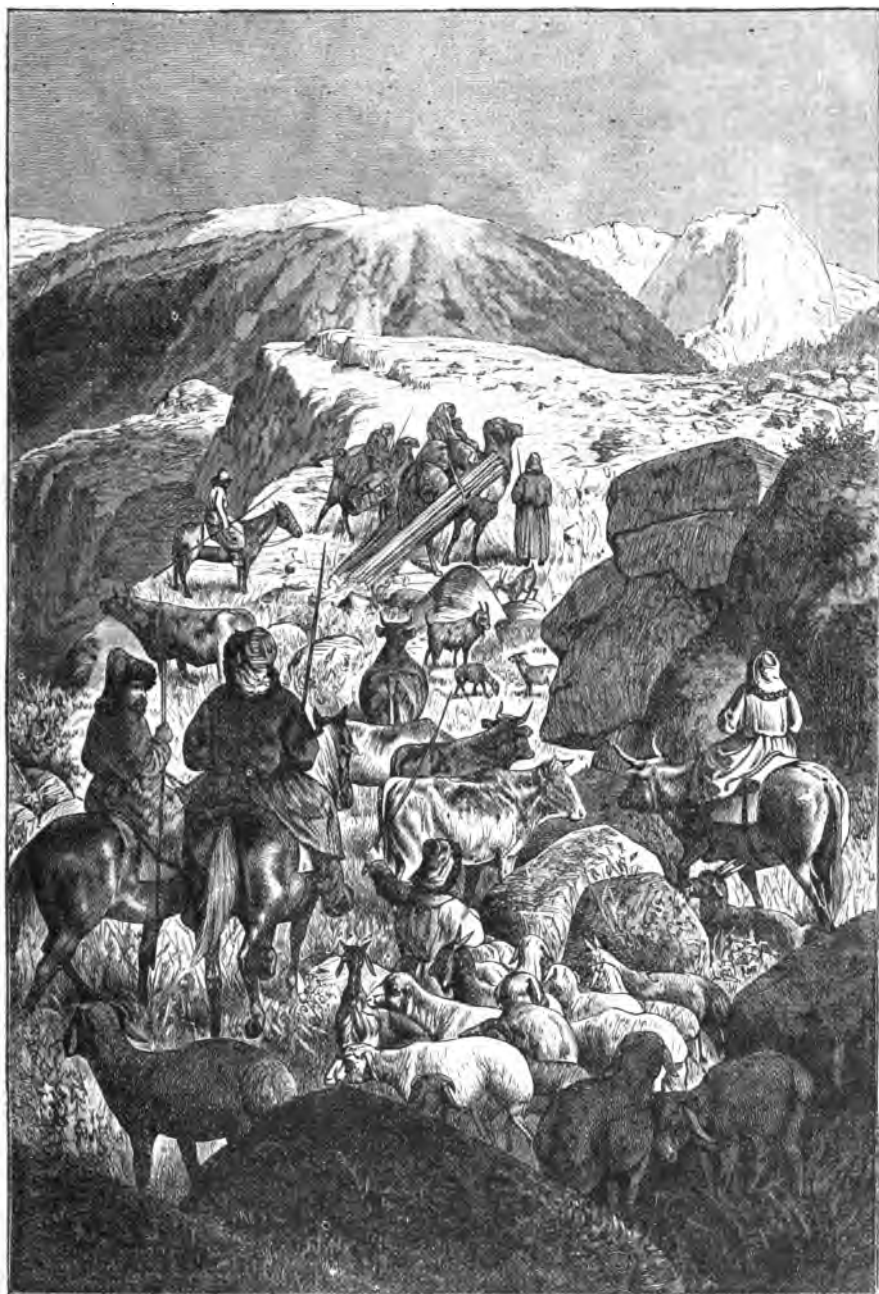
Помимо пищи, киргизъ, какъ сказано выше, извлекаетъ пользу изъ всѣхъ частей убитаго имъ животнаго. Изъ овечьей шерсти онъ приготовляетъ столь необходимые ему войлоки; изъ верблюжьей шерсти—ткани и пряжу; въ нѣжный, какъ пухъ, верблюжий подшерстокъ мать завертываетъ своего новорожденного ребенка. Изъ длинной козьей шерсти дѣлаютъ бахромѣ къ коврамъ и платкамъ, кисти или веревки; козлиную шерсть прядутъ и вяжутъ изъ нея бичевы для скрѣпленія юрты, наконецъ, изъ конскаго волоса плетутъ цѣпныя конскія привязи и бичевы. Бараній мѣхъ идетъ на обыкновенные полушубки, мерлушка и шкурки молодыхъ козлятъ—на дорожкі, нарядные кафтаны; очески шерсти даютъ очень хорошую вату для стеганой одежды; наконецъ, изъ шкуры всѣхъ названныхъ животныхъ выдѣлываютъ кожи. На избытокъ сала, барановъ, рогатаго скота и лошадей киргизъ вымѣниваетъ себѣ товары всесвѣтнаго рынка; на вырученные отъ продажи скота деньги, онъ вноситъ подати, покупаетъ серебро въ слиткахъ, которымъ любитъ при случаѣ похвастать, желѣзо, которое обрабатываетъ, ковры, одежды и шелковыя ткани, которыми украшаетъ себя и свою юрту. Скотъ составляетъ единственную статью дохода кочевника; то небольшое количество земли, которое онъ иногда обрабатываетъ, не можетъ вовсе идти въ расчетъ.

Мѣстопробываніе и образъ жизни киргиза обуславливается далеко не его свободнымъ выборомъ, а потребностями стада. Поэтому и перекочевки его являются не безцѣльнымъ скитаніемъ по степи, а вынужденной обстоятельствомъ и временемъ года перемѣною мѣста. Безцѣльное скитаніе немислимо для него ни зимою, ни лѣтомъ, ни весной, ни осенью. Зимою, онъ подвергалъ бы скотъ бурямъ и мѣстнымъ мятеламъ, лѣтомъ—невозможности утолить жажду, весной—скитанье дало бы можетъ-быть избытокъ корма, который отозвался бы осенней безкормицей. Поэтому, киргизъ начинаетъ свое странствованіе съ низовъ, медленно поднимается по возвышенности, даже въ горы, и затѣмъ снова медленно спускается въ равнину. При

этомъ, надо принимать въ соображеніе и различныя потребности скота. Такъ, напримеръ, овцы и козы любятъ жесткія, пахучія травы, произрастающія въ соляной степи, лошади—горную траву, въ особенности такую, которая растетъ между обломками скалъ, рогатый скотъ предпочитаетъ зеленѣющіе луга, а верблюды, наравнѣ съ жесткими растеніями соляныхъ степей, считаютъ необходимой принадлежностью своей пищи колочки репейника и терновника. Сообразно этому, богатые кочевники составляютъ изъ каждаго рода скота отдѣльно пасущіеся стада, и только бѣднѣе переходятъ со всѣмъ своимъ скотомъ съ одного пастбища на другое. Впрочемъ, не одни естественные законы, но и законы человѣческіе обуславливаютъ мѣсто и время передвиженій. Безъ всякихъ пограничныхъ чертъ и столбовъ, а только въ силу изстари существующаго взаимнаго соглашенія, установлены въ вольной степи права на владѣніе и опредѣлены границы этихъ владѣній. Каждое племя, каждый родъ, каждый приходъ, каждый аулъ предъявляетъ свои права на занятый его предками участокъ и не терпитъ на немъ никакихъ чужихъ стадъ, хватаясь за оружіе и въ кровавой рѣзнѣ отстаивая свои права противъ пришельца, будь онъ даже членъ того же племени. Такимъ образомъ, степной пастухъ кочуетъ не только въ извѣстномъ направленіи, но и на точно разграниченномъ пространствѣ. Путь его можетъ пересѣчь путь другого, но никогда не можетъ совпасть съ нимъ. Каждый уважаетъ право другого, зная, что въ противномъ случаѣ его принудятъ къ тому его же единоплеменники.

Осѣдлости, въ нашемъ смыслѣ слова, киргизъ достигаетъ лишь въ могилѣ, но родину имѣетъ всегда. Въ обширномъ смыслѣ слова его родиной можетъ быть названа вся область, по которой онъ кочуетъ,—въ большей части случаевъ—долина рѣки или ручья; въ тѣсномъ смыслѣ—мѣсто зимовки на которое онъ всегда возвращается послѣ своихъ странствованій. Здѣсь находятъ упокоеніе, если не всѣ, то большая часть его усопшихъ; здѣсь строится иногда даже постоянное жилище; сюда правительство посылаетъ своихъ чиновниковъ для сбора податей съ киргизовъ или переписи ихъ семей и головъ ихъ скота; здѣсь киргизъ проводитъ если не лучшую, то большую часть своей жизни; здѣсь, въ общемъ веселый и безпечный кочевникъ переживаетъ величайшія свои заботы и печали.

Мѣсто, могущее служить для зимовки, строго опредѣлено. Необходимыя условія его выбора: чтобы долина, въ которой предполагено разбить аулъ, была защищена отъ

Киргизы и их стада на пути въ горы.

холодныхъ, мертвящихъ, сѣверныхъ или восточныхъ вѣтровъ; чтобы была возможность ставить юрты по солнечной сторонѣ и строить постоянные дома; чтобы не было недостатка въ водѣ и пастбищѣ для скота въблизи аула. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяетъ долина рѣки, глубокими извилинами врывающаяся въ окружающую землю. Здѣсь, въ лѣтніе мѣсяцы не пересыхаютъ травы, здѣсь можно во всякое время добыть сѣно, причемъ останется корма еще и на зиму; здѣсь, кромѣ обыкновеннаго навоза, найдется топливо и въ видѣ ивняка и чернаго тополя, растущаго по берегамъ рѣки. Если выборъ иногда и останавливается на иныхъ мѣстахъ, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣтъ утилизировать мѣстность, избѣгаемую лѣтомъ за недостаткомъ воды, какъ напр. соляную степь, если покрывающаго ее снѣга достаточно, чтобы замѣнить людямъ и животнымъ воду.

Постоянное жилище представляетъ изъ себя повстинѣ жалкую, сырую, затхлую и темную хижину, построенную совсѣмъ налегкѣ, въ расчетѣ на снѣгъ, который утолщитъ ея стѣны и укроетъ отъ непогоды. Стѣны эти, только въ исключительныхъ случаяхъ бревенчатыя, иногда сложены изъ сѣраго кирпича, но чаще всего состоятъ изъ ивоваго плетня или связокъ камыша; крыша и потолокъ—всегда камышевые. Возлѣ хижины находится такой же хлѣвъ для молодого скота, а въ нѣкоторомъ разстояніи—загонъ для взрослыхъ животныхъ.

Съ началомъ зимы киргизъ переселяется въ такую избу, если только, какъ это часто случается, онъ не предпочитаетъ ей юрту, несравненно болѣе пріятную и удобную. Какъ изба, такъ и юрта, отапливаются заготовленнымъ уже съ весны навозомъ, который хозяиномъ или, лучше сказать, хозяйкой,—на ея долю выпадаютъ всѣ грязныя и тяжелыя работы,—перемѣшанъ съ соломой, нарѣзанъ четырехугольными кирпичиками и сложенъ въ кучу, чтобы могъ высохнуть на солнцѣ. Всѣ травы въ окрестности тщательно оберегаются, чтобы дать стадамъ кормъ въ ближайшемъ разстояніи отъ жилья; сѣно копится гдѣ-нибудь подалеже и потомъ свозится сюда. Если зима стоитъ хорошая, т. е. малоснѣжная, скотъ находится и теперь достаточный кормъ, если же зима суровая, то она разстраиваетъ всѣ мѣры предосторожности, принятыя заботливымъ хозяиномъ, и уносить большее количество головъ, чѣмъ далъ весенній приплодъ. Поэтому, въ хорошую зиму—радость и веселье заглядываютъ даже въ мрачную хижину пастуха, а въ тяжелую, когда скотъ превращается въ бродячіе скелеты, даже и въ привѣтливой юртѣ царятъ горе и заботы.

Только въ концѣ апрѣля, а иногда не раньше конца мая оставляетъ скотоводъ, вмѣстѣ съ послѣдними своими стадами, зимнее жилище и начинаетъ перекочевывать. Табуны лошадей, имѣющие особыхъ пастуховъ, уже раньше начали свой круговой походъ, чтобы не мѣшать мелкому скоту. При этомъ остерегаются не маленькихъ, рѣзвыхъ жеребятъ, родившихся одновременно съ козлятами, за нѣсколько недѣль передъ выступленіемъ, а молодыхъ жеребцовъ и кобылокъ, достигающихъ этой весной зрѣлости. Первые хотя и отскакиваютъ въ своей дѣтской рѣзвости отъ табуна, но держатся все-же въблизи матокъ, которые спокойнѣе пасутся, лишь изрѣдка поглядывая на своихъ отпрысковъ; главное-же постоянное беспокойство причиняютъ входящіе въ возмужалость молодые лошади, требующія тщательнаго присмотра со стороны и безъ того удвоеннаго числа пастуховъ. То молодые жеребцы вступаютъ въ драку съ старымъ почтеннымъ и властолюбивымъ жокакомъ табуна: то та или другая молодая лошадь пробуетъ дать тягу, повернувшись противъ вѣтра голову, и, широко раздувъ ноздри, уносится въ степь. Пастухъ моментально пускаетъ своего коня вскачь и въ бѣшеной погонѣ мчится за бѣглагой по горамъ и доламъ, камнямъ и кустарнику. Въ правой рукѣ онъ держитъ длинный пастушій посохъ съ привязаннымъ на концѣ арканомъ, все ближе и ближе подлетаетъ онъ къ бѣгущей молодой кобылкѣ; уже предательская петля занесена надъ ея головой; какъ вдругъ она увертывается, поворачивается въ сторону, какъ-бы смѣясь и издѣваясь надъ преслѣдователемъ, высоко подкидываетъ заднія ноги, и съ удвоенной быстротой мчится дальше. Наконецъ пастуху удается ее настичь; накинувъ на нее петлю, онъ медленно ведетъ ее обратно къ стаду. Какъ ни занимательна такая скачка для посторонняго зрителя, и можетъ-быть даже для самого пастуха, она сильно беспокоитъ стада мелкаго скота, идущія спокойнымъ и мѣрнымъ шагомъ, и потому лошадей обыкновенно отдѣляютъ отъ нихъ. Впрочемъ, козы и овцы, какъ вслѣдствіе ослабшей ихъ зимней безкормицы, такъ и изъ-за неуспѣвшихъ еще окрѣпнуть агнать и козятъ, во всякомъ случаѣ, не были бы въ состояніи поспѣвать за лошадьми. Раздѣленіе стада необходимо и по этой причинѣ.

Киргизъ, пасущій мелкій скотъ, дѣлаетъ въ первые дни такъ называемый «*овечій переходъ*» и останавливается вездѣ, гдѣ есть кормъ.

При выступленіи, шестіе открываютъ овцы, подъ предводительствомъ пастуха,

сидящего верхом на волѣ. Овцы идутъ довольно быстро, то сгучиваясь, то разсыпаясь, то задерживаясь на особенно значныхъ мѣстахъ и безостановочно кормясь по пути. Волѣ, на которомъ ѣдетъ пастухъ, также не переставая пасется. За стадомъ овецъ и козъ слѣдуетъ стадо козлятъ и ягнятъ, на такомъ однако разстояніи, что послѣдніе не видятъ и не слышатъ своихъ матокъ. Стадо барановъ и козловъ, если таковое еще имѣется или вновь составляется, идетъ другимъ путемъ. По уходѣ всего скота, женщины разбираютъ юрту, навьючиваютъ ее, вмѣстѣ съ ничтожнымъ домашнимъ скарбомъ, на верблюдовъ или вьючныхъ воловъ, сами садятся съ чадами и домохозядами на лошадей и ѣдутъ не торопясь за мелкимъ молочнымъ скотомъ, который и настигаютъ около полудня, доятъ его, собираютъ молоко въ кожаные мѣшки или бурдюки и ѣдутъ дальше, чтобы, до захода солнца, успѣть снова разбить юрту. Такъ идетъ день за днемъ. По мѣрѣ того какъ подрастаютъ свѣжія весеннія травы, стада остаются дольше на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, иногда цѣлыми днями и даже недѣлями, пока не оскудѣютъ окружающія пастбища. Когда весна пробудитъ къ жизни спящихъ въ листикахъ наѣкомыхъ и воздухъ наполнитъ несмѣтными полчищами комаровъ, мухъ, оводовъ и другихъ мучителей человѣка и животныхъ, пастухи гонятъ свои стада по возможности въ горы и доходятъ до самой границы ихъ свѣговой линіи. Уже въ равнинѣ, пастухамъ, гонящимъ свой скотъ безъ помощи собакъ, нелегко бываетъ справиться съ ними; здѣсь-же въ горахъ сдѣлать «овечій переходъ» дѣло крайне трудное, а для преодоленія нѣкоторыхъ преградъ необходимы соединенныя усилія нѣсколькихъ конныхъ людей. Пока путь идетъ по твердой землѣ, по цвѣтущимъ лужайкамъ, по обрывамъ или крутизнамъ, стадо безостановочно двигается впередъ. Авангардъ составляютъ козы, которыя сначала внимательно осматриваютъ мѣстность, кажущуюся имъ сомнительной, потомъ, избравъ болѣе удобный переходъ, рѣшительно двигаются впередъ, а овцы смѣло слѣдуютъ за ними. Но если вмѣсто журчащаго ручейка дорогу пересѣкаетъ бурный потокъ, затрудненіямъ нѣтъ конца. Въ виду враждебной овцамъ стихіи, останавливаются и смѣтливцы, умѣющія примѣняться къ обстоятельствамъ, козы; овцы-же испуганно отскакиваютъ назадъ и кидаются на ближайшіе выступы скалъ, какъ-бы спасаясь отъ опасности. Тщетно разбѣзжаетъ пастухъ взадъ и впередъ по бурному потоку; тщетно сгоняетъ онъ разбѣжавшееся стадо къ берегу. Громкимъ блеяньемъ выражаютъ овцы свой

ужасъ; тревожно блеютъ и козы, пока наконецъ у пастуха не лопнетъ всякое терпѣніе. Тогда онъ закидываетъ арканъ на шею первой попавшейся овцѣ, и швыряетъ перепуганное животное въ быстрину. Предоставленная собственнымъ силамъ, овца плыветъ скачками, съ одного камня или обломка скалы на другой; но водоворотъ подхватываетъ ее и сноситъ внизъ; она барахтается, брыкается, дѣлаетъ прыжки и снова плыветъ; ее сносятъ еще и еще разъ, и наконецъ, измученная больше страхомъ, чѣмъ борьбой, она добирается до противоположнаго берега. Дрожа всѣмъ тѣломъ, она сначала удоставляется, действительно ли нея подъ ногами твердая земля, потомъ отряхивается, испуганно оглядывается назадъ и начинаетъ яростно шипать траву, словно желая вознаградить себя за перенесенную муку. Между тѣмъ и все остальное стадо переплываетъ чрезъ горный потокъ и собирается на другомъ берегу, такъ что можно безпрепятственно продолжать путь. Такимъ образомъ пробираются кочевые пастухи понемногу въ горы. Когда-же на высотахъ наступаютъ холода, а можетъ-быть и выпадающій снѣжокъ начинаетъ напоминать о приближеніи зимы, пастухи гонятъ свои стада обратно, придерживаясь на этотъ разъ по возможности тѣнистыхъ ущелій, пока не спустятся въ равнину и тѣмъ не завершатъ своего кругового пути. Такъ повторяется изъ года въ годъ.

Весь домашній скотъ киргизовъ необычайно скоро привыкаетъ ко всякой мѣстности; послѣ одного, двухъ странствованій по новому пути, онъ уже твердо знаетъ всѣ остановки для пастбища, самъ, безъ помощи пастуха, находитъ эти мѣста и самъ направляется къ юртамъ, гдѣ его доятъ. Положимъ, здѣсь не малую роль играютъ дѣтеныши, которыхъ отнимаютъ у матокъ въ началѣ мая и держатъ вблизи аула, играя на чувствѣ материнской любви. Благодаря этому доеніе производится всегда въ одно и то же время, что даетъ возможность киргизкѣ правильно распределить свой день.

За исключеніемъ кобылицъ, которыхъ всегда доятъ мужчины, для чего требуется содѣйствіе по крайней мѣрѣ двухъ, а иногда и трехъ человѣкъ, доеніе всего домашнего скота производится женщинами. Раннимъ утромъ телятамъ, козлятамъ и ягнятамъ даютъ пососать немного своихъ матокъ, затѣмъ ихъ снова отдѣляютъ и всѣхъ выгоняютъ въ поле. Въ обѣдъ матокъ пригоняютъ къ юртамъ, чтобы доить ихъ. Вечеромъ, ихъ снова пригоняютъ и притомъ раньше, чѣмъ маленькихъ. При помощи собакъ, которыми только здѣсь и пользуются, стадо сгоняютъ

как можно тѣснѣе и приступаютъ къ доенію. Хозяйки и ихъ работницы, съ подояниками въ рукахъ, хватаютъ привычной рукой одну, другую, третью овцу, тащатъ ихъ къ веревкѣ, надѣваютъ каждой на шею веревочную петлю и разставляютъ ихъ такимъ образомъ въ два ряда, головами вмѣстѣ. Въ нѣсколько минутъ связываютъ, такимъ образомъ, тридцать, сорокъ штукъ овецъ и козъ попеременно, т.-е. образуютъ такъ называемый кегенъ. Животныя, наученныя прежнимъ опытомъ, почувствовавъ петлю, стоятъ не шелохнувшись. Женщины, усѣвшись другъ противъ друга на корточки съ одного конца веревки, — а если скотины много, то и съ обоихъ концовъ разомъ, — приступаютъ къ доенію, захвативъ короткіе сосцы указательнымъ и большимъ пальцами и быстрымъ движеніемъ заставляя течъ тонкую молочную струю. Молоко бѣжитъ недостаточно сильно, вымени даютъ толчокъ кулакомъ лѣвой руки, точно такъ же, какъ толкаютъ вымя головой сосущіе ягнята. Когда же и это средство не помогаетъ, переходятъ къ слѣдующей козѣ или овцѣ. Мужчины, помогающіе иногда ловить и привязывать скотъ, во время доенія сидятъ возлѣ, въ самыхъ разнообразныхъ, недоступныхъ для европейца и почти невѣроятныхъ позахъ, и даютъ полную волю своему «красному языку». Тотъ или другой мальчуганъ дѣлаетъ первые опыты верховой ѣзды на одномъ изъ барановъ, если только не предпочитаетъ для этой цѣли спины своей родительницы. Послѣдняя такъ же мало обращаетъ вниманія на удале своего отпрыска, какъ и на разныя другія мелкія случайности. Сидитъ-ли она на сухой землѣ или на свѣжемъ навозѣ, попадаетъ-ли этотъ навозъ въ подвойникъ, выдолбленный изъ тополевого дерева, или нѣтъ, — для нея рѣшительно все равно; подвойникъ и безъ того такъ же грязенъ, какъ и ея руки, а овечій навозъ только намъ можетъ казаться чѣмъ-то грязнымъ, но отнюдь не правовѣрному киргизу. Наконецъ выдоено и послѣднее животное, и наступило время освободить всѣхъ привязанныхъ овецъ и козъ, которыя, за неимѣніемъ лучшаго занятія, все время пережевывали жвачку. Для этого достаточно дернуть за одинъ конецъ веревки; всѣ петли распускаются, и животныя окажутся на свободѣ.

Сначала раздается громкое, единодушное бленіе, свидѣтельствующее о радостномъ чувствѣ освобожденія; потомъ животныя нѣсколько разъ встряхиваются, какъ бы желая сбросить съ себя самое воспоминаніе о недостойномъ рабствѣ, и стремительно кидаются — насколько позволяютъ пастухъ — подалѣе въ степь или въ горы, какъ будто только тамъ они могутъ дышать настоящимъ

воздухомъ свободы. Въ сущности-же, они стремятся какъ можно скорѣе къ своимъ дѣтенышамъ. Цѣлый день они были въ разлукѣ; теперь, судя по прежнему опыту, должно появиться обожаемое молодое поколѣніе. Съ непрерывнымъ бленіемъ мечутся овцы; даже умныя козы безпокойно озираются по сторонамъ, какъ бы желая убѣдиться, не идетъ-ли уже, не показывается-ли вдали желанное стадо. Бленіе становится все громче, потому что новыя отвязанные ряды животныхъ усиливаютъ всеобщее возбужденіе собранныхъ вблизи аула овецъ и козъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ въ большее волненіе приходятъ любящія материнскія сердца. Животныя тоскливо бродятъ взадъ и впередъ, обнюхиваютъ каждую придорожную травку, не срывая почти ни одной, выжидательно, радостно поднимаютъ головы и печально, разочарованно снова опускаютъ ихъ къ землѣ. Тревога ихъ все растетъ, доходя наконецъ чуть ли не до иступленія, а бленіе переходитъ въ настоящій ревъ.

Но вотъ доносятся издалека слабѣнкіе, тонкіе, бленущіе голоса. Матки услышали ихъ. Изъ всѣхъ овечьихъ и козьихъ устъ раздается одно громкое, оглушительное бленіе; вся материнская любовь, возбужденная до крайности долгимъ ожиданіемъ, находитъ себѣ выраженіе въ этомъ одномъ протяжномъ крикѣ. А между тѣмъ, издалека уже бѣгутъ по направленію къ юртамъ спѣшащія къ матерямъ ягнята и козлята: большіе и сильнѣйшіе — впереди, младшіе и слабѣйшіе — сзади, но всѣ равно спѣшаютъ, бѣгутъ, припрыгиваютъ, полу-скрытые облакомъ пыли, и стадо ихъ отъ неравныхъ силъ все больше и больше растягивается по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Поднимается невообразимая сумятица. Старые и малые безтолково мечутся взадъ и впередъ, мимоходомъ, бѣгло прикасаясь другъ къ другу, чтобы какимъ-то чутьемъ удостовѣриться, нашли-ли всѣ своихъ, и, въ противномъ случаѣ, торопливо бѣгутъ далѣе. Впрочемъ, ягнята и козлята только тогда понимаютъ свою ошибку, когда получаютъ толчокъ или ударъ копытомъ отъ чужой матки. Гораздо скорѣе, чѣмъ можно было бы предположить, каждая мать находитъ своего дѣтеныша, каждый дѣтенышъ свою мать, и, припавъ на колѣни подъ брюхо родительницы, жадно сосетъ оставшееся на его долю молоко. Если и теперь еще слышится бленіе, то оно выражаетъ уже не что иное, какъ полнѣйшее удовольствіе и удовлетвореніе.

Но не долго длится это состояніе всеобщаго блаженства. Въ выдоенномъ уже раньше вымени скоро не остается ничего, и, несмотря на всѣ толчки сосущаго ягненка, пи-

тательная влага отказывается течь. Однако же как матки, так и дѣтеныши жаждутъ продлить радостные моменты свиданія. Стадо расплзается во всѣ стороны. Баловница мать карабкается за своими рѣзвыми дѣтми, по свойствамъ своей породы жаждущими лѣзть на ближайшія высоты, или смотреть съ видимымъ удовольствіемъ, какъ ея козленокъ пробуетъ свои рожки въ борьбѣ съ другими. Живописно раскидывается стадо въ окрестностяхъ юртъ; привлекательнѣйшая картина мирнаго и полного довольства жизни развертывается предъ глазами того, для кого понятенъ и дорогъ смыслъ этой жизни.

Съ своей стороны и женщины въ аулѣ даютъ себѣ короткій отдыхъ; онѣ берутъ на руки своихъ ребятъ и удовлетворяютъ свои материнскія чувства. Но вскорѣ ихъ ожидаетъ уже другая работа. Мыча, возвращаются съ пастбища и коровы, требующія также своей доли материнскихъ радостей, и трудолюбивыя киргизки поспѣшно отвязываютъ и приводятъ къ коровамъ телятъ, даютъ имъ немного пососать, потомъ доятъ коровъ и выпускаютъ телятъ на свободу. А между тѣмъ пастухъ и собаки уже снова сгоняютъ мелкій скотъ къ юртамъ, и теперь всѣ, мужчины, женщины, мальчики и дѣвочки, старый и малый, принимаются ловить ягнятъ и козлятъ, чтобы привязать ихъ на ночь къ веревкѣ, глухими не затягивающимися петлями, и притомъ такъ, чтобы матки не могли дать имъ своего вымени.

Безъ крика и блеянья не обходится и это дѣло, но къ блеянью присоединяется теперь ревъ и вой оставленныхъ на время дѣтей, мычаніе коровъ и лай собакъ. Одни только привязанные ягнята и козлята спокойно покоряются необходимости. Тотъ или другой козленокъ пробуетъ и тутъ еще свои едва замѣтные рожки, но вскорѣ утомляется и мирно укладывается спать противъ своего недавняго противника; не успѣютъ привязать весь радъ, какъ уже большинство ягнятъ, поджавъ подъ себя ножки, мирно предается отдыху. Та или другая овца или коза подходитъ къ веревкѣ, обнюхиваетъ дѣтенышей, отыскивая своего, но потомъ возвращается къ стаду, убѣдившись, что нѣтъ никакой возможности улесть возлѣ своего отпрыска.

Солнце давно уже сѣло, сумерки почти смѣнились ночью. Все стихаетъ и въ юртахъ, и вокругъ нихъ. Люди и животныя предаются ночному отдыху. Однѣ только собаки, подъ предводительствомъ очередного пастуха, совершаютъ свой ночной обходъ; но и онѣ даютъ только тогда, когда имѣется къ тому дѣйствительный поводъ, когда надо спугнуть крадущагося волка или другого вора. Прозвѣющая, благоухающая и росистая лѣтняя ночь спускается надъ степью, и подкрѣпляющій сонъ заставляетъ кочевниковъ и ихъ стада забыть, въ это лучшее благодатнѣйшее время года, всѣ невзгоды и тягости суровой зимы.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки **Р. И. Сементковского.**

У насъ очень часто жалуются на однообразие современной беллетристики, на недостатокъ въ ней живого интереса, на стереотипность темъ, избираемыхъ беллетристами. Печатается много, а читать нечего,—говорятъ иные критики, а подчасъ и простые читатели. Попытаемся проверить этотъ взглядъ на томъ беллетристическомъ матеріалѣ, который содержится въ послѣднихъ книжкахъ нашихъ журналовъ.

Самое поверхностное знакомство съ содержаниемъ появившихся въ нихъ беллетристическихъ произведеній убѣждаетъ насъ, что объ однообразіи не можетъ быть рѣчи; напротивъ, разнообразіе затрогиваемыхъ темъ и описываемыхъ личностей бросается въ глаза всякому непредубѣжденному человѣку. Начиная съ великосвѣтской среды и кончая

какою-нибудь захолустною, Богомъ забытою деревнею, все подвергается описанію. Вы, напримѣръ, желаете познакомиться съ великосвѣтскою средою,—не угодно-ли прочтати очень интересный разсказъ г. Широкова: «Сазн» («Вѣст. Евр.»); можете-быть, васъ интересуетъ жизнь и бытъ нашего сельскаго духовенства,—прочтите разобранный нами уже разсказъ: «Ходить» г. Забытаго; или вы желаете узнать, какъ дѣйствуютъ наши земскіе начальники: г. Владимиръ-Данченко предлагаетъ вамъ обширный свой разсказъ: «Губернаторская ревизія»; если вы питаете пристрастіе къ крестьянской средѣ, то къ вашимъ услугамъ очеркъ г. Семенова: «Въ день итоговъ» («Сѣв. Вѣстникъ») или разсказъ г. Быстренина: «Учитель» («Новое Слово»); но можете-быть